

ТАЙНЫ ПАНСИОНА «МЕРИДИАН»

КНИГА ПЕРВАЯ

НУЛЕВОЙ СПИСОК

СПИСОК ВОСПИТАНИКОВ
ПАНСИОНА «МЕРИДИАН»
1913

- 001 Воронцова А. С.
- 002 Греков М. Л.
- 003 Давыдова Е. П.
- 004 Железнов К. И.
- 005 Климова Н. В.
- 006 Лебедев С. А.
- 007 Миронова Т. С.
- 008 Орлова Д. М.
- 009 Панкратов В. Е.
- 010 Романов И. К.
- 011 Соловьева А. Г.
- 012 Тихонов Д. С.
- 013 Федорова М. А.
- 014 Харитонов П.

МЕРИДИАН

ЖОРА ХАРАКС

ЖОРА ХАРАКС

Нулевой список

<https://litres.ru/74642627>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старинные башни, семь ударов колокола и тайна двух смертей
В элитном крымском пансионе «Меридиан» отличников учат побеждать. А тех, кто не справляется, словно вычёркивают из жизни.

Семнадцатилетняя Ника Соколова поступает сюда по стипендии — и вскоре старосту Миру Волкову находят мёртвой в зале старинных карт. Ночью школьники слышали её голос. Но могла ли Мира кричать после смерти?

След ведёт к загадочному «Нулевому списку» и трагедии 2010 года, когда погибла Варвара Киселёва. Почему исчезли имена из школьных архивов? Что скрывает тётя Ники? И кому выгодно, чтобы прошлое осталось похороненным?

Чем ближе Ника к разгадке, тем опаснее её ошибки. Под подозрением — друзья и наставники. В пансионе, где послушание называют талантом, а предательство — испытанием, за правду придётся заплатить дороже, чем за любую стипендию.

Сможет ли Ника найти убийцу, не потеряв тех, кто ей дорог?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	129

ЖОРА ХАРАКС

Нулевой список

Глава

ЖОРА ХАРАКС НУЛЕВОЙ СПИСОК

Книга первая цикла «Тайны пансиона „Меридиан“»

Крым · 2010 и 2026 годы

ПРОЛОГ

Девочка, которой не было

Крым. Бахчисарайский район. Октябрь 2010 года.

Варвара Киселёва поняла, что её заперли, когда перестала слышать шаги.

Сначала она ещё ждала, что всё закончится обычным школьным розыгрышем.

За дверью могли задержаться. Искать ключ. Спорить о том, кто первым признает испытание неудачным.

Варвара подождала.

Время, которое здесь любили измерять с точностью до секунды, тянулось без всякого расписания.

— Всё, — сказала она. — Я проиграла. Можете открывать.

Снаружи молчали.

Она посмотрела на часы: двадцать три минуты двенадцатого.

По условиям испытания её должны были выпустить в одиннадцать.

Впрочем, правила меняли всякий раз, когда кто-нибудь начинал выигрывать. Это Варвара заметила ещё в первый месяц обучения в «Меридиане».

Она снова взялась за дверную ручку.

Ручка повернулась, но дверь не поддавалась.

— Очень смешно.

Голос прозвучал громче, чем она рассчитывала. Пустая башня охотно повторила последнее слово.

Смешно... смешно...

Варвара ненавидела эту башню.

Снаружи она выглядела романтично: круглая, сложенная из светлого камня, с узкими окнами и медным куполом старой обсерватории. На открытках пансиона её обязательно снимали на фоне гор. Родители умилялись, выпускники вспоминали лучшие годы, преподаватели любили рассказывать, как здесь когда-то наблюдали прохождение звёзд через небесный меридиан.

Изнутри башня состояла из сырости, пыли и лестниц, которые давно следовало починить.

Особенно последней.

Три ступени у поворота были закрыты доской с надписью

«Пролод заперщён». Доска лежала там уже несколько лет. В «Меридиане» умели прекрасно формулировать запреты. Исполнять их получалось хуже.

Варвара направила карманный фонарик на круглую площадку.

Под ногами валялись старые бумаги, треснувшая деревянная рейка и свёрнутый электрический провод. У стены стоял шкаф, дверца которого держалась на одной петле. Выше, под куполом, темнела площадка прежнего телескопа.

Она подошла к двери.

— Елена!

Никто не ответил.

— Лена, я знаю, что ты слышишь!

На этот раз ей показалось, что снаружи кто-то шевельнулся.

Варвара прижалась ухом к дереву.

— Ты можешь ничего не говорить. Просто открой.

Тишина.

— Я не стану рассказывать, кто открыл. Обещаю.

Снизу донёсся какой-то короткий звук. Похожий на стук металлического предмета о камень.

Ключ?

— Лена!

Звук не повторился.

Варвара выпрямилась.

Ещё утром Варвара была уверена, что ничего страшнее

школьного испытания с ней не случится.

Они ездили в Бахчисарай. Сначала были у монастыря, затем поднялись к старому городу, а после отправились к караимскому кладбищу, где между древними надгробиями росли огромные дубы.

У ворот им выдали конверты.

В каждом лежала фотография и листок с заданием.

Найди человека, которого нет в списке.

Варвара нашла.

Оказалось, нужно было всего лишь смотреть не на лица, а на тени.

Когда она показала ответ руководителю группы, тот почему-то не обрадовался.

Затем появились новые условия.

Нужно было молчать о находке. Нужно было дожждаться вечера. Нужно было выполнить ещё одно задание, которого не было в первоначальных правилах.

И Варвара впервые отказалась.

Она не собиралась бродить ночью возле чужих могил. Не собиралась изображать поклонницу школьных страшилок. И совершенно точно не собиралась подтверждать, будто видела среди дубов Чёрного спелеолога.

Человека в чёрном она действительно заметила. На старой фотографии.

Только это был не призрак.

У призраков, насколько ей представлялось, не бывает на-

ручных часов.

Она сказала об этом вслух.

— Может, это один из сотрудников? — спросила Елена.

— Тогда зачем врать, будто его здесь не было? — ответила Варвара.

Возле ворот стояли остальные воспитанники. Кто-то пытался скрыть улыбку, кто-то старательно смотрел под ноги. Взрослый руководитель группы попросил прекратить спор и убрал фотографию в папку так быстро, что Варвара не успела запомнить фамилии.

— Испытание окончено, — сказал он.

— Кто победил?

— В этом испытании нет победителей.

— Тогда не надо было обещать приз.

Елена тихо дёрнула Варвару за рукав.

— Не сейчас.

Она говорила тем особенным голосом, каким друзья предупреждают об опасности, не желая признавать, что опасность существует. Варвара знала этот голос. Обычно после него следовало извинение перед тем, кто был сильнее.

В автобусе Елена сидела рядом. Всю дорогу до пансиона она несколько раз начинала разговор и замолкала.

— Ты можешь просто сказать, что я неправа, — предложила Варвара.

— Ты права не там, где безопасно.

— Это не одно и то же.

— Для нас — почти.

Варвара повернулась к окну. Внизу проплывали тёмные сады, дороги, дома. Ненадолго мелькнула узкая башня «Меридиана» — ещё светлая в последнем солнце. Она вдруг вспомнила, как мечтала сюда поступить.

Варвара любила исторические исследования не за перечни царей и войн. Ей нравилось, когда случайная запись на полях спорила с целым учебником. За такую работу она получила стипендию. Дома письмо об этом до сих пор хранили в рамке.

Она не собиралась терять место из-за одной фотографии. Но и подтверждать то, чего не видела, не собиралась.

Неприятности начались ещё до возвращения в пансион.

Сначала ей объяснили, что она неправильно понимает смысл испытания. Затем намекнули на стипендию. Вечером вызвали в старый корпус.

Варвара вздохнула.

Никогда ещё хорошие оценки не доставляли столько хлопот.

Она вытащила из кармана сложенный лист.

Единственное, чего взрослые не знали: прежде чем отдать найденную фотографию, она успела переписать имена с оборота.

Семь фамилий.

Внизу стояла восьмая строка.

Фамилии в ней не было.

Только аккуратно выведенный ноль.

Варвара направила фонарик на бумагу и ещё раз прочитала список.

Одна фамилия в списке была лишней: этого человека в школьном автобусе не оказалось. По крайней мере, Варвара не помнила его ни на одном из трёх пересчётов.

Она была уверена.

У них считали присутствующих трижды.

Один раз при посадке, второй — возле монастыря, третий — перед возвращением.

И каждый раз получалось семь.

Варвара сложила лист и убрала во внутренний карман.

Она не знала всех семерых одинаково хорошо. Двое старшеклассников присоединились к группе накануне, третий всё время держался возле преподавательницы. Но у неё остался лист: не обида, не слух, а семь фамилий и несовпадающее число людей.

Ей вдруг захотелось оказаться дома, на кухне, где мать каждый вечер спрашивала, успела ли она поесть, а отец никогда не понимал, зачем университету столько древних бумаг. Она бы рассказала про дубы, про камни, про остроумного Елениного соседа, который весь день изображал из себя призрака. О башне — нет. На расстоянии всё это, вероятно, выглядело бы нелепо.

Она потрогала телефон. Экран тускло подсвечивал ногти. Утром она отключила звук, чтобы не мешать экскурсии, и

теперь не знала, не пропустила ли звонок из дома. В пропущенных ничего не было.

За дверью слышались шаги.

— Наконец-то!

Она бросилась к выходу.

Шаги остановились.

— Откройте, пожалуйста.

Никто не ответил.

Варвара почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Я всё поняла. Не надо ничего объяснять. Я никому не скажу.

Молчание.

— Слышите? Никому.

В эту минуту она впервые осознала, что обещание никому не рассказывать могло оказаться именно тем, чего от неё добивались.

Из-за двери донёсся голос.

Тихий, почти неразличимый.

— Оставайся на месте.

Варвара узнала его.

От облегчения у неё подкосились ноги.

— Вы здесь? Почему вы сразу не сказали?

— Дождись сигнала.

— Какого сигнала?

Ответа не было.

Она ударила ладонью по двери.

— Я не собираюсь больше играть!

Шаги стали удаляться.

Варвара закричала.

Сначала имя человека, которому доверяла.

Потом просто:

— Откройте!

Шаги стихли.

Она долго стояла у двери.

Часы показывали без четверти двенадцать.

Связи на телефоне не было. Заряд оставался, но сообщение, отправленное Елене, так и висело с маленьким значком неудачной доставки.

Варвара попыталась позвонить.

Безрезультатно.

Она набрала короткое сообщение: «Я в башне. Меня заперли. Позови помощь».

Телефон сообщил, что сообщение не отправлено.

Она посмотрела вверх.

Под самым куполом виднелось узкое окно.

Может быть, там появится связь.

До верхней площадки вела винтовая лестница.

Первые ступени сохранились хорошо. Выше начинался участок с прогнившим настилом.

Варвара подняла фонарик.

На стене, рядом с предупреждающей табличкой, кто-то мелом нарисовал небольшой кружок.

Внутри стоял ноль.

Она вспомнила утреннюю фотографию.

Найди человека, которого нет в списке.

— Очень остроумно, — произнесла Варвара.

Голос дрожал.

Она сделала первый шаг.

Потом второй.

Под ботинком скрипнуло дерево.

Снизу вдруг раздался удар колокола.

Варвара вздрогнула.

Ещё один.

Потом третий.

Она начала считать.

Четыре.

Пять.

Шесть.

На шестом ударе колокол замолчал.

Так и полагалось.

Шесть ударов — и тишина. Так обещал старый механизм.

О седьмом рассказывали шёпотом, будто от счёта могло зависеть, кто доживёт до утра.

Варвара посмотрела вниз.

Теперь она стояла достаточно высоко, чтобы увидеть сквозь узкое окно огни главного корпуса.

Там были люди.

Десятки людей.

Кто-то, наверное, пил чай. Кто-то делал уроки. Кто-то жаловался на строгих преподавателей.

Обыкновенный вечер в школе, где готовили будущих учёных, дипломатов и государственных деятелей.

Ей захотелось заплакать.

Она поднялась ещё на ступень.

Дерево под ногой прогнулось.

Варвара остановилась.

Следующий шаг нужно было сделать в сторону, на каменный выступ.

Она осветила его фонариком.

На краю лежала папка.

Тонкая, серая, перевязанная тесёмкой.

Варвара узнала такие папки. В них хранились материалы школьных исследовательских программ.

На обложке было написано:

«МЕРИДИАН. НУЛЕВОЙ КУРС»

Она наклонилась и осторожно подтянула папку к себе.

Тесёмка развязалась.

Несколько листов выскользнули наружу.

На верхнем помещался список фамилий, возле которых стояли отметки. В последней графе были цифры — единицы, двойки, тройки.

Напротив одной фамилии стоял ноль.

Киселёва Варвара.

Варвара перечитала строку.

Не потому, что не поняла.

Просто мозг отказывался принять, что решение уже вынесено.

Внизу листа темнела подпись. Нижний угол был измят; прочесть фамилию целиком не удавалось.

Она поднесла фонарик ближе, стараясь различить последние буквы.

Из главного корпуса донёсся чей-то смех. Такой отчётливый, словно смеющийся человек стоял за её плечом.

Варвара повернулась.

Промахнулась ногой мимо ступени.

Фонарик выскользнул из руки.

На мгновение он осветил узкую лестницу, каменную стену и чёрную пустоту под ней.

Потом всё погасло.

Снизу, где минуту назад было тихо, ударил колокол. Седьмой раз.

ГЛАВА 1

Пансион над пропастью

5 октября 2026 года. Понедельник.

Автобус высадил Нику Соколову на повороте, где закончился асфальт и, по заверению буклета, началось высшее образование.

В буклете об этом сообщалось с редкой уверенностью.

«Дорога к знаниям начинается с первого шага».

Первый шаг пришёлся в выбоину. Чемодан подпрыгнул,

ударил Нику по ноге и едва не вернулся в багажное отделение.

— Отличное начало, — сказала она.

— Туда?

— Туда.

— Богатые?

— Умные.

— Это не ответ.

— А вы, я смотрю, философ.

— Нет. Я водитель. Философы за такую дорогу больше берут.

Он помог поставить чемодан на обочину, захлопнул багажник и уехал, оставив после себя запах дизеля и неожиданно приятное ощущение свободы.

Ника огляделась, давая автобусу скрыться за поворотом.

Внизу, за деревьями, лежала долина. Дальше поднимались светлые известняковые скалы, изрезанные глубокими тёмными складками. Утренний туман ещё держался в низинах, хотя солнце уже осветило верхушки гор.

По обе стороны дороги росли старые деревья. Ника не знала их названий и была уверена, что в «Меридиане» это быстро исправят. Здесь, судя по программе, даже незнание породы дерева считалось временным недостатком образования.

Она вынула телефон.

Связь была.

Мама прислала шестое сообщение за утро.

«Доехала?»

Ника написала:

«Нет. Пишу из параллельной реальности».

Ответ пришёл немедленно:

«Не остри. Позвони».

Ника набрала номер.

— Мам, всё хорошо.

— Ты уже в школе?

— Почти.

— Что значит почти?

— Школа на горе. Я у подножия. У нас сложные отношения.

— Там должны были встретить.

— Меня встретила природа. Очень приветливая, если не считать дороги.

Мама вздохнула.

— Ника, пожалуйста, хотя бы первую неделю постарайся ни с кем не спорить.

— Со всеми сразу или по отдельности?

— Вот именно об этом я и говорю.

Ника улыбнулась.

Дома мамина тревога раздражала. Здесь, за несколько сотен километров от привычной жизни, даже она казалась чем-то тёплым и надёжным.

— Я справлюсь, — сказала Ника.

— Знаю.

Мама помолчала.

— Лена звонила?

Улыбка исчезла.

— Нет.

— Странно.

— Она сказала, что занята.

— Всё-таки могла бы пожелать удачи.

— Мам.

— Ладно. Только береги себя.

Разговор закончился.

Ника ещё несколько секунд смотрела на экран.

Тётя Елена была единственным человеком в семье, который когда-то учился в «Меридиане». Именно она первой рассказала Нике о пансионе, нашла положение о дополнительном наборе и помогла собрать документы.

Но после получения приглашения стала вести себя странно.

На вопросы о школе отвечала коротко. Говорила, что давно всё забыла. А когда Ника попросила показать старые фотографии, неожиданно рассердилась.

«Тебе не обязательно повторять мою жизнь».

Как будто возможность учиться в одной из лучших школ страны означала повторение чьей-то неудачи.

Ника убрала телефон.

У ворот виднелся человек в тёмной куртке.

Она потянула чемодан вверх.

Через несколько шагов поняла, что рекламный буклет умолчал о главном: дорога к знаниям начиналась с первого шага, а заканчивалась примерно после восьмисотого.

Ворота были старые, железные, с двумя каменными столбами. На левом крепилась новая металлическая табличка:

ЧАСТНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПАНСИОН «МЕРИДИАН»

Ниже, на небольшом гербе, помещалась звезда, пересечённая вертикальной линией.

Ника остановилась перед столбом и вытерла ладонью пот со лба.

— Здравствуйте, — произнёс мужчина возле калитки.

Ему было лет пятьдесят. Седые усы, тяжёлые ботинки, связка ключей на поясе. Он держал кружку чая с таким видом, словно защищал её от внешнего мира.

— Соколова?

— Зависит от того, кто спрашивает.

Мужчина посмотрел на чемодан.

— Тогда не Соколова. Соколовой велели помочь с вещами.

— В таком случае определённо она.

— Проходите.

Он открыл калитку.

Ника шагнула на территорию и невольно остановилась.

Пансион оказался совсем не таким, каким выглядел на

фотографиях.

Там он был похож на дорожную загородную гостиницу для интеллектуалов: светлые стены, ухоженный газон, широкие окна.

В действительности здания были гораздо старше и интереснее.

Главный корпус поднимался тремя этажами над террасами сада. Его сложили из бледного местного камня, местами потемневшего от влаги. Две пристройки явно появились позднее: одна с застеклённой галереей, другая — с узкими окнами, похожими на бойницы.

Справа находилось длинное двухэтажное здание с мансардой. Слева, за густыми деревьями, возвышалась круглая башня под зелёным медным куполом.

Ника сразу узнала её.

Старая обсерватория.

Главная достопримечательность школы.

— Красиво, — сказала она.

Мужчина кивнул.

— Пока из окон смотрите.

— Почему?

— Когда тут живёшь, замечаешь другое.

— Например?

— Крыша течёт.

Ника рассмеялась.

Мужчина не улыбнулся.

— А туда не ходить.

Он указал на башню.

— Почему?

— Закрыто.

— Насовсем?

— Достаточно давно.

— Она аварийная?

— Не для разговоров у ворот, девушка.

Мужчина взял чемодан, поставил его на небольшую тележку и покатил к главному корпусу.

На связке ключей негромко позвякивал маленький металлический круг.

Ника шла следом.

Возле башни рос кипарис. Часть его ветвей закрывала узкое окно под куполом. Чуть ниже на каменной стене виднелся прямоугольник более светлой кладки — словно когда-то здесь был ещё один проём.

Ника задержала взгляд.

— А раньше башня работала?

— Раньше всё работало.

— Очень обнадеживающий ответ.

Мужчина остановился.

— Девушка, вы всегда столько спрашиваете?

— В основном когда мне не отвечают.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Тогда вам здесь понравится.

И повёз чемодан дальше.

В приёмной Нику встретила женщина с серебряной оправой очков и причёской, которая, казалось, могла пережить землетрясение.

— Соколова Вероника Андреевна?

— Ника.

— В документах написано иначе.

— В документах ещё написано, что мой рост сто шестьдесят восемь. Я с тех пор выросла.

Женщина подняла глаза.

Ника решила, что пора остановиться.

— Вероника Андреевна, — исправилась она.

— Прекрасно. Паспорт, медицинские документы, согласие родителей, стипендиальное соглашение.

Ника раскрыла папку.

Документы были разложены по порядку.

Женщина проверила их с заметным одобрением.

— Хорошо. Система доступа к библиотеке будет активирована завтра. Учебники получите у куратора. Заселение в комнату триста четырнадцать. Воспитатель познакомит вас с внутренним распорядком.

Она придвинула ещё один лист.

— Здесь необходимо подтвердить, что вы ознакомлены с правилами стипендиальной программы.

Ника пробежала текст глазами.

Обязательное участие в исследовательских занятиях.

Минимальная успеваемость.

Соблюдение академической этики.

Возможность пересмотра стипендии по результатам полу-
годовой аттестации.

— А вот это что? — спросила она, показывая пальцем на пункт о внеучебной деятельности.

— Ученики участвуют в проектах, которые определяет научно-педагогический совет.

— Все?

— Разумеется.

— Даже если проект мне неинтересен?

— Вы поступили в специализированную школу, Соколо-
ва. Здесь интересуются образованием.

— Я интересуюсь. Просто стараюсь выяснить, насколько
взаимно.

Женщина сняла очки.

— Ваши олимпиадные результаты производят впечатле-
ние.

— Спасибо.

— Но интеллект не освобождает от дисциплины.

— Я и не рассчитывала.

Это была чистая правда.

Ника рассчитывала только на то, что сможет здесь учиться.

Когда в сентябре пришло письмо о стипендии по допол-

нительному осеннему набору, мама перечитала его четыре раза. На четвёртый Ника попросила проверить, не передумали ли они за это время.

Не потому, что сомневалась в способностях дочери.

Просто обучение и проживание в «Меридиане» стоили столько, сколько их семья не могла бы потратить за несколько лет.

Теперь всё зависело от оценок.

И от того, сумеет ли Ника ужиться в мире, где все привыкли быть лучшими.

Она подписала лист.

Женщина проверила подпись.

— Добро пожаловать в «Меридиан».

Сказано это было тоном, каким сообщают о прибытии на экзамен.

На третьем этаже пахло свежей краской, книгами и чем-то сладким, похожим на яблочное печенье.

Девушка, сидевшая на подоконнике, подняла голову от ноутбука.

— Ты Соколова?

— Пугающая популярность.

— Нет, просто у тебя на чемодане написано «Н. Соколова».

Ника опустила глаза.

Бирка действительно была на месте.

— Значит, интеллектуальное образование здесь уже даёт результаты.

Девушка захлопнула ноутбук, прыгнула с подоконника и протянула руку.

— Зоя Фролова. Твоя соседка по комнате. Пока единственный человек в этой школе, который не собирается тебя оценивать.

— Почему пока?

— Потому что я ещё не видела, как ты оставляешь грязную посуду.

Зоя была ниже Ники, с короткими рыжеватыми волосами и веснушками, которые словно не поместились на лице и продолжились на шее. На одном запястье у неё висело несколько ярких браслетов. На другом — часы с треснувшим стеклом.

Она говорила быстро, будто боялась, что собеседник прервёт её раньше окончания мысли.

— Сразу предупреждаю: верхняя полка моя, кровать у окна моя, удлинитель общий, холодильник на этаже бесполезный, потому что туда всё время кто-нибудь кладёт чужую еду, а потом проводит философский эксперимент о природе собственности.

— И как результаты?

— Плохо. Вчера исчез мой йогурт.

Комната оказалась небольшой, но светлой.

Две кровати, письменные столы, шкаф и широкое окно

с видом на сад. Из-за деревьев выглядывал медный купол башни.

У Зоиной половины стены висели фотографии, расписание занятий и лист с крупной надписью: «НЕ ТРОГАТЬ! РАБОТАЕТ!»

Под листом лежал разобранный электронный прибор.

— Это что? — спросила Ника.

— Плата управления звуком.

— Для чего?

— Для школьного театра. Мы ставим спектакли, где все делают вид, что знают свои роли. Очень реалистичный жанр.

Ника поставила сумку на свободную кровать.

— Я думала, здесь серьёзная школа.

— Серьёзнее некуда. На прошлой неделе у нас спорили, можно ли считать плагиатом цитирование собственной прошлогодней работы.

— И к чему пришли?

— Решили, что зависит от того, кто её проверяет.

Зоя помогла распаковать вещи.

Среди книг Ники обнаружился потрёпанный томик рассказов Конан Дойла.

— Ты любишь детективы?

— В хороших историях преступники хотя бы иногда получают по заслугам.

— О, тогда ты разочаруешься в нашей школе.

— Здесь принято оправдывать убийц?

Зоя рассмеялась.

— У нас вообще не принято употреблять слово «убийца» без достаточной доказательной базы.

Она произнесла последнее выражение нарочито торжественно.

— Это из устава?

— Почти. Любимая фраза Артемьевой.

— Кто такая Артемьева?

— Заместитель директора. История, источниковедение, академические проекты. Если она на тебя посмотрела, считай, что контрольную уже написала. Осталось узнать оценку.

— Страшная женщина?

Зоя задумалась.

— Нет. Это как раз хуже.

Раздался звонок.

Не колокольный — короткая электронная мелодия, несколько совершенно невыносимых нот.

Зоя поморщилась.

— Добро пожаловать в интеллектуальный рай. Пойдём, тебя ждут.

Староста встретила новых учеников в главном зале.

Их оказалось всего трое.

Ника, высокий мальчик с тщательно причёсанными волосами и девушка, которая так крепко держала папку, словно боялась, что её отберут.

Перед ними стояла Мира Волкова.

Ника видела её фотографию на сайте пансиона.

Победительница олимпиад, участница международных школьных конференций, обладательница нескольких научных премий. На снимках Мира улыбалась.

В жизни улыбка появлялась редко и, вероятно, по предварительной записи.

— В «Меридиане» мы придерживаемся трёх принципов, — сказала она. — Дисциплина. Академическая честность. Личная ответственность.

Она сделала паузу.

— Последнее особенно важно. Здесь никто не будет постоянно напоминать вам о последствиях ваших поступков.

Зоя, стоявшая позади Ники, едва слышно прошептала:

— Прекрасно. Значит, после поступков напомнят сразу.

Ника подавила улыбку.

Мира продолжила:

— Пансион имеет научную библиотеку, реставрационную мастерскую, учебную лабораторию и архив. Доступ в помещения определяется индивидуально. Нарушение правил влечёт дисциплинарное взыскание.

Она посмотрела на Нику.

— Вопросы?

— Башня.

— Что башня?

— Почему туда нельзя?

Мира не сразу ответила.

— Старая обсерватория не используется.

— Из-за ремонта?

— В том числе.

— А ещё?

— Соколова, есть прекрасный способ узнать историю школы. У нас читают документы.

— Я уже начала. В буклете про башню очень красиво написано.

— Буклет предназначен для поступающих.

— Разумеется. Живущим здесь, видимо, полагается другая история.

Зоя ущипнула Нику за локоть.

Мира спокойно посмотрела ей в глаза.

— Любопытство полезно, пока человек понимает разницу между вопросом и вмешательством.

Она повела группу дальше.

Ника заметила, что остальные ученики, встречавшиеся им по дороге, приветствовали старосту с подчёркнутой вежливостью.

Не все с удовольствием.

В конце коридора висела большая доска достижений.

Фотографии победителей, фамилии, названия конкурсов, грамоты в рамках.

В центре находилась Мира.

Немного левее — молодой человек с тёмно-русыми воло-

сами и спокойным, почти насмешливым взглядом.

Лев Тихонов.

Подпись сообщала о победе в международном конкурсе исторических исследований.

— Он у нас знаменитость, — заметила Зоя.

— Мира?

— Тихонов. Его отец финансирует половину того, на что здесь приятно смотреть.

— А вторую?

— Ту половину финансируют родители, которым не повезло быть настолько богатыми.

Ника наклонилась ближе.

В списке выпускников за прошлые годы обнаружилась странная особенность.

После 2009-го сразу шёл 2011-й.

— А 2010 год?

Зоя посмотрела на неё.

— Что?

— Здесь нет выпускников за 2010-й.

— Может, доску меняли.

— Возможно.

Мира остановилась в дверях.

— Соколова, вы идёте?

Ника обернулась.

— Уже.

Она запомнила пропуск.

Тогда он ещё ничего не значил.

Первое занятие началось через час.

На двери аудитории было написано:

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ДОКУМЕНТ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Внутри пахло бумагой, старым деревом и горячей пылью от проектора.

Ника выбрала свободное место во втором ряду.

Зоя села рядом.

— Совет, — прошептала она. — Если не знаешь ответ, лучше молчи.

— Я умею.

— Никогда бы не подумала.

За столом у окна сидел Лев Тихонов.

Вблизи он выглядел менее безупречно, чем на фотографии. Волосы были чуть растрёпаны, ворот рубашки расстёгнут, на запястье виднелась царапина.

Он о чём-то разговаривал с одноклассником.

Когда Ника вошла, Лев поднял голову, скользнул по ней взглядом и продолжил разговор.

Это раздражало сильнее, чем если бы он демонстративно отвернулся.

В аудиторию вошла женщина.

Разговоры прекратились.

Марине Артемьевой было лет тридцать восемь. Тёмные

волосы собраны на затылке, простая белая блузка, серый пиджак. Ника не заметила на ней ни одного украшения, кроме небольших часов.

На первый взгляд ничего особенного.

Но стоило женщине остановиться у преподавательского стола, как вся аудитория будто подтянулась.

Артемьева положила папку.

— Сегодня у нас новые ученики.

Она посмотрела на список.

— Соколова.

Ника подняла руку.

— Фролова, надеюсь, уже объяснила вам, что здесь нельзя безнаказанно быть умнее преподавателя?

— Нет, — ответила Ника. — Она больше рассказывала о пропавших йогуртах.

В классе засмеялись.

Зоя закрыла лицо ладонями.

Артемьева тоже улыбнулась.

— Прекрасно. Тогда начнём с вещей серьёзнее молочных продуктов.

На экране появились две старые фотографии.

Обе изображали группу молодых людей возле здания с колоннами.

С первого взгляда снимки были одинаковыми.

— Перед вами два изображения, — сказала Артемьева.

— Одно подлинное. Второе подверглось изменениям. Опре-

делите, какое именно.

Несколько рук поднялись почти одновременно.

Лев даже не стал поднимать.

— Второе.

— Обоснуйте.

— На оригинале справа видна тень от дерева. На втором её нет. Кроме того, надпись на стене обрезана.

— Хорошо. Остальные?

Ученик на первом ряду сказал, что обратил внимание на угол съёмки.

Ника посмотрела на снимки внимательнее.

Второй действительно выглядел иначе.

Но её беспокоило другое.

— Можно приблизить правый верхний угол?

Артемьева взяла пульт.

— Почему?

— Там повреждение.

Изображение увеличилось.

У края фотографии виднелась тонкая белая царапина, уходившая в тёмный участок стены.

— Она есть и на первом, — сказала Ника.

Артемьева увеличила другое изображение.

Царапина оказалась на месте.

— И?

— Значит, это, вероятнее всего, два воспроизведения одного исходного изображения.

Лев повернулся.

— Именно поэтому второе изменено.

— Возможно. Только вопрос был о подлинности.

— Вы не видите разницы?

— Вижу. И даже две.

Он усмехнулся.

— Тогда назовите.

— Вы сравниваете не предметы, а изображения предметов. Мы не знаем происхождения файлов. Второе могло быть кадрировано позже, а первое — обработано раньше. Пока это не проверено, нельзя назвать одно подлинником, а другое подделкой.

В аудитории стало тихо.

Артестьева опустила пульт.

— Продолжайте.

Ника почувствовала, как сердце ускорилося.

Она не любила выступать перед незнакомыми людьми.

Особенно когда незнакомые люди заранее решили, что им известно больше.

— На первом изображении выше контраст, и часть деталей в тени потеряна. Второе обрезано, но в некоторых областях видно больше. Если задача — установить, что происходило возле здания, нам нужны оба. Если определить происхождение каждого отпечатка — необходима дополнительная информация.

Лев откинулся на спинку стула.

— Вы хотите сказать, что изменённая фотография может быть достовернее оригинальной?

— Я хочу сказать, что ответ на другой вопрос не становится правильным только потому, что он прозвучал первым.

Кто-то тихо присвистнул.

Ника тут же пожалела о последних словах.

Можно было сказать мягче.

Но сказанное уже покинуло рот и теперь, вероятно, самостоятельно устраивалось в школьной биографии.

Артемьева посмотрела на Льва.

— Согласны?

— С тем, что надо знать происхождение документов, — да.

— А с замечанием Соколовой?

— Оно не лишено определённого самомнения.

— Это замечание, Тихонов, скорее о вас.

Класс рассмеялся.

Лев тоже улыбнулся.

И Ника сразу поняла, почему его считают опасным соперником.

Он не обиделся.

Он запомнил.

Артемьева погасила экран.

— Верный ответ: данных недостаточно. Оба изображения происходят из одного фотографического негатива. Один отпечаток старше, но подвергался ретушированию. Второй из-

готовлен позднее, кадрирован, зато сохранил детали, утраченные при прежней обработке.

Артемьева погасила проектор.

— Главное здесь не фотография. Главное — наша привычка отвечать на тот вопрос, который кажется удобным.

Ника почувствовала запах едва заметных духов.

Что-то сухое, древесное.

— Соколова, у вас хорошие результаты вступительного испытания.

— Спасибо.

— Но хороший ответ и желание унижить оппонента — вещи разные.

Ника покраснела.

— Я не собиралась его унижать.

— Тогда в следующий раз постарайтесь, чтобы это было заметно.

Артемьева отошла.

Лев негромко произнёс:

— Не беспокойтесь. Я переживу.

— Очень рада, — ответила Ника.

— А я пока не решил.

Зоя закрыла глаза.

— Вы оба восхитительны, — прошептала она. — Особенно когда молчите.

После занятия Ника задержалась, чтобы записать назва-

ние рекомендованной книги.

Артемьева складывала фотографии в папку.

— Соколова.

Ника подошла.

— Да?

— Вы всегда начинаете знакомство с публичного спора?

— Нет. Иногда сначала здороваюсь.

Преподавательница улыбнулась.

— Вы мне нравитесь.

Ника не знала, что ответить.

Это было неожиданно.

— Надеюсь, взаимно, — добавила Артемьева.

— Я пока собираю сведения.

Женщина рассмеялась.

На этот раз совершенно искренне.

— Правильный подход.

Она достала из папки небольшую карточку.

На ней было напечатано название научного проекта.

— Завтра состоится открытое занятие исследовательского общества. Начнём с выездной экскурсии. Думаю, вам стоит участвовать.

— Это обязательно?

— Нет.

Артемьева посмотрела на неё с интересом.

— Но люди, которые чего-то хотят, обычно не ждут обязательного приглашения.

Ника взяла карточку.

Внизу значилось:

«МЕРИДИАН. ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ. ПРОЕКТ 2026»

— История и память? — переспросила она.

— Именно. Как вы думаете, чем они различаются?

Ника задумалась.

— История требует проверяемых свидетельств. Память может обходиться без них.

— Не всегда. Но направление мысли правильное.

Артестьева закрыла папку.

— Только помните одну вещь, Соколова. Иногда человек так привыкает искать чужие ошибки, что перестаёт замечать собственные.

Ника вышла из аудитории с неприятным ощущением.

Преподавательница была права.

И именно это раздражало.

Лев догнал её у лестницы.

— Соколова.

— Если вы пришли потребовать сатисфакции, у меня нет шпаги.

— У меня тоже. Какое разочарование.

Он протянул ей тетрадь.

Ника узнала свою.

Она оставила её на столе.

— Спасибо.

— Это вы записывали последнее замечание Артемьевой?

Ника раскрыла тетрадь.

На странице стояли три слова:

«Подлинность. Контекст. Происхождение».

— Не совсем.

Лев заметил запись.

— Правильный порядок.

— Вы тоже были на уроке?

— Представьте себе. Даже слушал.

Ника убрала тетрадь.

— Я не хотела...

Она замолчала.

Лев приподнял бровь.

— Что?

— Выставлять вас идиотом.

— Какая жалость. Получилось почти убедительно.

— Вы первый начали.

— Разумеется.

Они несколько секунд смотрели друг на друга.

Потом Лев неожиданно рассмеялся.

— У вас будет трудный год, Соколова.

— Почему?

— Здесь не очень любят людей, которые задают неудобные вопросы.

— А удобные?

— На них обычно уже приготовлены ответы.

Он направился вниз.

На повороте оглянулся.

— Кстати, если хотите посмотреть настоящие фотографии, идите в библиотечный архив. На школьных стендах большинство снимков обрезано.

— Зачем?

— Видимо, ради красоты.

Ника посмотрела ему вслед.

Она была почти уверена, что этот разговор содержал скрытое приглашение.

Но в чём именно оно заключалось, понять не сумела.

В столовой оказался Тимур Аметов.

Ника узнала его по фотографии из школьного справочника.

Он сидел у окна с камерой и просматривал снимки на маленьком экране. Рядом стоял нетронутый стакан компота.

— Это наш лучший фотограф, — представила Зоя. — И самый тяжёлый человек для совместных проектов.

Тимур поднял голову.

— В прошлом проекте ты потеряла два микрофона.

— Один нашёлся.

— В стиральной машине.

— Зато мы выяснили, что он водостойкий.

Тимур посмотрел на Нику.

— Соколова?

— Это уже почти фамилия дня.

— Я Тимур.

— Знаю. Меня предупредили.

— О чём?

— Что ты тяжёлый человек.

— Нормально. Значит, Зоя не успела придумать ничего нового.

Он подвинул камеру.

— Как тебе здесь?

Ника задумалась.

— Пока похоже на университет, который забыл, что его студентам ещё нет восемнадцати.

Тимур улыбнулся.

— Точное наблюдение.

На экране камеры она увидела фотографию старого корпуса.

Здание было снято снизу, со стороны сада. Благодаря ракурсу над крышей особенно отчётливо выделялась обсерваторная башня.

— Красиво, — сказала Ника.

— Это неудачный кадр.

— Почему?

— Свет плохой. И половина старой стены закрыта пристройкой.

Он увеличил изображение.

Возле основного корпуса на фотографии виднелась узкая

дверь.

— Это что?

— Служебный вход.

— Куда?

— В хозяйственные помещения. Дальше, кажется, мастерская.

— Ты всю школу знаешь?

— Нет. Потому и фотографирую.

Ника посмотрела на него внимательнее.

Ей понравился этот ответ.

В соседнем конце столовой поднялся шум.

Несколько учеников окружили Миру Волкову.

Она говорила негромко, но с такой уверенностью, что остальные почти не перебивали.

Лев стоял немного поодаль.

— Что происходит? — спросила Ника.

Зоя посмотрела в ту сторону.

— Отбор на осеннюю исследовательскую конференцию.

— Уже?

— У нас всегда что-нибудь отбирают. Иногда людей.

Тимур отложил камеру.

— И иногда выбирают тех, кого не надо.

— Это ты о ком? — спросила Зоя.

Зоя прочла лист и перестала улыбаться.

— А я думала, о ком-нибудь интересном.

Мира подняла голову и заметила Нику.

На секунду их взгляды встретились.

Мира что-то сказала остальным, подошла к столу и осталась рядом.

— Как первое занятие?

— Познавательно.

— Артемьева хвалила тебя.

— Мне показалось, она больше хвалила мою способность вовремя замолчать.

— Это редкий талант.

Мира улыбнулась.

Вблизи она оказалась красивее, чем на фотографиях: правильные черты лица, очень тёмные глаза, спокойный голос.

Но Нику беспокоило выражение её лица.

Староста словно всё время прислушивалась к разговору, которого остальные не слышали.

— Ты придёшь завтра на встречу общества? — спросила Мира.

— Меня пригласили.

— Значит, придёшь.

— Я пока не решила.

Мира посмотрела на лежавшую возле подноса карточку.

— В «Меридиане» редко приглашают дважды.

— Это угроза?

— Предупреждение.

И староста ушла.

Ника проводила её взглядом.

— У неё приятные манеры.

Зоя взяла вилку.

— У Миры вообще всё прекрасно. Кроме способности радоваться, когда прекрасно у других.

Тимур ничего не сказал.

Ника заметила, что он выключил камеру, едва староста приблизилась к столу.

К вечеру школа изменилась.

Дневной свет ушёл с террас, и главный корпус потемнел. В окнах загорелись лампы. Где-то за садом гудел генератор. По гравийным дорожкам спешили ученики с книгами.

Ника отправилась в библиотеку.

Она решила начать с простого.

Если в школе существуют архивы, стоит хотя бы выяснить, где они находятся.

Библиотека занимала бывший парадный зал.

Высокие окна, балкон-галерея, дубовые шкафы до потолка. На стенах висели старые карты. Под одной из них стоял глобус такого внушительного размера, что Ника невольно подумала о стоимости его реставрации.

В читальном зале сидели трое учеников.

За дальним столом пожилой библиотечарь разбирал стопку карточек.

— Добрый вечер, — сказала Ника.

Он поднял голову.

— Добрый.

— Мне нужен архив школьных фотографий.

— Для какого периода?

— Пока не знаю.

— Тогда придётся сначала узнать.

Ника уже открыла рот, но вовремя вспомнила совет Артемьевой.

— С чего лучше начать?

Библиотекарь одобрительно кивнул.

— С каталога.

Он показал на терминал возле стены.

На экране находились папки по годам.

Ника открыла список выпускников.

2008.

2009.

2011.

Она нахмурилась.

2010 года снова не было.

Теперь это выглядело не просто ошибкой оформления стенда.

Ника вернулась к библиотекарю.

— А материалы за 2010 год где хранятся?

Он перестал переключать карточки.

— Какие именно?

— Фотографии выпускников. Годовые журналы.

— Часть фондов передана в отдельное хранение.

— По какой причине?

— По технической.

— Из-за повреждения?

— Девушка, я отвечаю за библиотеку, а не за все решения администрации.

Он снова опустил глаза.

Ника отошла к терминалу.

На соседнем столе стояла коробка с карточками.

Одна лежала отдельно.

Ника машинально посмотрела на неё.

В верхней части значилось: «Наблюдательные журналы обсерватории».

Ниже — даты, инвентарные номера, отметки о перемещении материалов.

Последняя запись была сделана в октябре 2010 года.

Потом следовала пустая строка.

Ника не прикоснулась к карточке.

За спиной прозвучал голос:

— Я бы не советовал начинать с башни.

Она обернулась.

Рядом стоял Лев.

На нём уже не было пиджака, только рубашка с закатанными рукавами. В руках он держал две книги.

— Вы за мной следите?

— Нет. Тогда я бы выбрал более интересную цель.

— Почему башня?

Он посмотрел на коробку.

— Здесь обычно сначала спрашивают про неё.

— Обычно?

— Новенькие любят школьные тайны.

— А старенькие?

— Они знают, что большинство тайн не стоит потраченного времени.

Ника посмотрела на него.

— Это из личного опыта?

Лев немного помолчал.

— Иногда.

Он ушёл к выдаче книг.

Ника снова повернулась к терминалу.

Внизу экрана появилась строка:

«Для доступа к дополнительным материалам обратитесь к научному руководителю».

Она нажала на неё.

Открылся список преподавателей.

Первой стояла Марина Артемьева.

Когда Ника вернулась в комнату, Зоя лежала на кровати с наушниками.

На столе перед ней стояла маленькая колонка.

Из неё едва слышно доносился женский голос:

— Не надо... Пожалуйста...

Зоя остановила воспроизведение.

— Прости.

Ника застыла у двери.

— Что это было?

— Репетиция. Старый звуковой файл.

— Потрясающе жизнерадостный спектакль.

— Школьная готика. В прошлом году ставили. Там героиню запирают в башне.

Ника посмотрела в окно.

Купол обсерватории темнел на фоне почти чёрного неба.

— Весёлые у вас традиции.

— Очень. В финале все выживают. Кроме зрителей — им приходится смотреть второй акт.

Зоя сняла наушники.

— Ты где пропадала?

— В библиотеке.

— Уже? Ты здесь меньше суток.

— Это считается нарушением?

— Нет. Но обычно в первый день люди ищут столовую, душ и интернет.

— Столовую я нашла.

— Остальное оставлю на завтра.

Ника достала телефон.

Елена по-прежнему не отвечала.

Она написала:

«Я в „Меридиане“. Здесь красиво. Почему ты никогда не показывала мне свои школьные фотографии?»

Палец задержался над кнопкой отправки.

Вопрос выглядел слишком прямым.

Ника всё-таки отправила.

Зоя поднялась.

— Кстати, у нас есть неофициальное правило.

— Только одно?

— Самое полезное. Если ночью стучат в дверь, сначала спроси, кто.

— А если не отвечают?

— Не открывай.

— Разумно. В каком месте начинается мистика?

— Ни в каком. Просто у нас старшеклассники идиоты.

Ника рассмеялась.

Потом погасила верхний свет и села у окна.

В саду было тихо.

Одинокая лампа освещала дорожку к старой башне. В её тусклом круге медленно кружились насекомые.

Ника открыла тетрадь.

На первой странице она написала:

«МЕРИДИАН. ОКТЯБРЬ 2026».

Ниже — три пункта:

«1. Узнать, почему нет материалов за 2010 год».

«2. Спросить тётю Елену о башне».

«3. Не ссориться с Тихоновым до пятницы».

Ника посмотрела на последний пункт.

Подумала.

И зачеркнула.

Не стоило ставить заведомо невыполнимые цели.

В дверь постучали.

Три коротких удара.

Зоя сняла один наушник.

— Кто?

Ответа не было.

Девушки переглянулись.

Стук повторился.

— Если это ты, Кирилл, — крикнула Зоя, — твоя куртка в прачечной!

Тишина.

Ника встала.

— Не открывай, — сказала Зоя.

— Ты сама рассказала мне правило пять минут назад.

— И что?

— Я хочу выяснить, насколько оно полезное.

Она подошла к двери.

— Кто там?

За дверью едва слышно прошуршала бумага.

Потом удалились шаги.

Зоя вскочила с кровати.

— Вот теперь интересно.

Ника открыла.

Коридор был пуст.

Под дверью лежал маленький белый конверт.

Ника подняла его.

На лицевой стороне чёрными чернилами было написано:
«СОКОЛОВОЙ. ЛИЧНО».

— Кто у нас тайный поклонник? — спросила Зоя.

— Надеюсь, библиотекарь.

Ника вскрыла конверт.

Внутри находилась фотографическая копия старого школьного списка.

Несколько фамилий, даты поступления, номера учебных групп.

Одна строка была обведена красным.

«Соколова Елена. 2010».

Напротив фамилии стоял ноль.

Ниже лежала небольшая записка.

Ника прочла её дважды.

«Спроси тётю, почему она отсюда ушла».

В комнате стало тихо.

Зоя осторожно подошла ближе.

— Что там?

Ника показала лист.

Зоя побледнела.

Едва заметно, но Ника успела увидеть.

— Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

— Зоя.

— Правда, не знаю.

Она посмотрела на дверь.

— Только не показывай это Мире.

— Почему?

Зоя не ответила.

На Никином телефоне вспыхнул экран.

Пришло сообщение от тёти Елены.

Всего четыре слова.

«Немедленно уезжай оттуда, Ника».

И почти сразу второе:

«Ты не знаешь, что они делают с теми, кто задаёт вопросы».

Ника подняла голову.

За окном, в темноте над садом, чернела башня.

И впервые за день она пожалела, что утром так легко прошла через школьные ворота.

ГЛАВА 2

Общество нуля

6 октября 2026 года.

Утром в «Меридиане» не говорили о ночных происшествиях. Победам посвящали целые стенды; страхам, очевидно, места не предусмотрели.

Нике это не подходило: под её дверь появился лист, после которого тётя велела ей уехать.

После сообщения тёти Елены Ника почти час пыталась дозвониться до неё. Наконец Елена ответила. Голос был

странный — усталый и сердитый.

— Ника, прости. Я испугалась.

— Чего?

— Своих воспоминаний.

— Удобный ответ. Особенно после совета немедленно уехать.

— Я не должна была так писать.

— Но написала.

— Не уезжай. Просто будь осторожна.

— С кем?

Елена помолчала.

— Со взрослыми, которые всегда уверены, что знают, что для тебя лучше.

Ника посмотрела на лежавшую перед ней копию списка.

— В каком году тебя исключили?

— Ты знаешь.

— В 2010-м. А что означает ноль возле твоей фамилии?

На другом конце линии наступила тишина.

— Откуда ты это взяла?

— Мне прислали.

— Кто?

— Не знаю.

Елена выдохнула.

— У тебя есть этот лист?

— Да.

— Сохрани. И никому не отдавай.

— Значит, он настоящий?

— Я не знаю, что тебе прислали.

— Тогда откуда знаешь, что это важно сохранить?

Елена не ответила.

За стеной кто-то засмеялся. Зоя разговаривала по телефону в коридоре, её голос то приближался, то удалялся.

— Ты должна мне рассказать, — сказала Ника.

— Расскажу.

— Когда?

— Не по телефону.

— Ты обещаешь?

— Да.

Ника закрыла глаза. Обычно тётя отвечала на неудобный вопрос новым вопросом. Сегодня она не справилась даже с этим.

— Тётя Лена, здесь действительно погибла девушка?

Молчание продолжалось так долго, что Ника подумала: связь прервалась.

— Её звали Варвара, — тихо произнесла Елена.

Разговор закончился.

Зоя сделала вид, что ничего не произошло. Она жаловалась на расписание, искала второй носок и утверждала, что если преподаватель требует принести на занятие циркуль, значит, он совершенно не понимает трагизма человеческого существования.

Ника выслушала это молча.

Наконец Зоя остановилась посреди комнаты.

— Ты сердишься?

— На циркуль? Пока нет.

— На меня.

— А должна?

Зоя положила носок на кровать.

— Я вчера не всё сказала.

— В этой школе вообще кто-нибудь говорит всё?

— Иногда. На экзаменах. Потом обычно жалеет.

Ника достала конверт.

— Почему ты побледнела, когда увидела список?

Зоя села напротив.

— Потому что знаю эти карточки. С нулём.

— Что они означают?

— Всякое.

Ника молчала.

— Есть школьная игра, — сдалась Зоя. — Её называют Обществом нуля. Неофициальная. Старшеклассники дают задания, оценивают ответы.

— Почему ноль?

— С него всё начинается. Так они объясняют.

— А на самом деле?

— Старшие любят придумывать красивые причины, чтобы командовать младшими.

Ника взглянула на список.

— Общество существовало в 2010 году?

— Откуда мне знать? Я здесь второй год.

— Тогда почему испугалась?

Зоя уставилась на носок.

— Некоторые задания неприятные. Люди узнают о себе то, чего предпочли бы не знать. Например, что лучший друг рассказывает посторонним об их семье.

— С тобой такое случилось?

— С одним человеком.

— С кем?

— Я сказала: с одним человеком.

Зоя резко поднялась, достала куртку, принялась застёгивать молнию.

— Сегодня экскурсия. Мы опоздаем.

До выхода оставалось двадцать минут. Обе прекрасно это знали.

В коридоре у расписания стояли трое старшеклассников. Один держал планшет с таблицей, двое спорили, не повышая голоса: в «Меридиане» даже спорить старались с видом людей, которым за это поставят отметку.

— Новые стипендиаты проходят распределение по исследовательским группам, — сказал мальчик с планшетом, едва Ника приблизилась. — Фамилия?

— А если назову чужую, дадите чужую группу?

— Соколова, — подсказала Зоя. — Она с утра упражняется в обаянии.

На экране рядом с Никиной фамилией стояло: «Пробный допуск. Решение куратора — после первого задания».

— Это касается стипендии? — спросила Ника.

— Формально нет, — ответил мальчик. — Но портфолио исследовательской деятельности учитывают при продлении.

Ника прочитала строчку ещё раз. На подписанном вчера соглашении отдельного условия об испытаниях не было. «Формально нет» оказалось удобным выражением: оно не отменяло угрозы, только перекладывало её на будущее.

Из-за спины раздался голос Льва:

— Для первого дня вы, Соколова, довольно быстро дошли до самого интересного.

— До таблицы, в которой нельзя разобрать, что обязательно, а что нет?

— Именно. Здесь это считают взрослой жизнью.

— А ты, конечно, уже взрослый.

— Достаточно, чтобы прочитать мелкий шрифт. Не советую опаздывать на экскурсию: Мира опоздания записывает в отдельную графу.

Лев кивнул мальчику с планшетом и прошёл к лестнице. Зоя повела Нику за собой.

— Ты видела этот список раньше? — спросила Ника.

— Видела. Не обращай внимания.

— Тогда зачем делала вид, будто не замечаешь его?

Зоя остановилась на ступеньке. На мгновение её лицо стало неожиданно взрослым.

— Потому что мне уже приходилось делать выбор между человеком и хорошей отметкой. И я выбрала не человека.

Затем она вытащила из кармана смятую резинку для волос и принялась собирать хвост — с таким усердием, словно в мире не осталось задачи важнее.

— Автобус, — сказала она. — Или будем добираться до средневековья пешком.

Экскурсионный микроавтобус был куда скромнее главного корпуса пансиона: потёртые сиденья, запах нагретого пластика и кондиционер, который работал только тогда, когда никому не требовался.

Ника устроилась у окна, Зоя — рядом. Лев занял место впереди, Тимур прошёл в конец салона с камерой. Мира свернула список по именам.

— Все пристегнулись?

Ответили нестройно.

— Я спрашиваю не из любви к дисциплине.

— Это обнадеживает, — заметила Ника.

— Соколова, ремень.

Ника пристегнулась.

На переднем сиденье разместились Артемьева.

— Сегодня мы рассматриваем не отдельные памятники, а способы сохранения исторической памяти. На небольшом пространстве вы увидите несколько традиций и типов источников.

— А обед? — спросили сзади.

— При достаточном научном рвении вы до него доживёте.
По салону прошёл смех.

Автобус тронулся. За окнами потянулись склоны, светлые дома, старые сады.

— Сначала монастырь, — сказала Зоя, разглядывая маршрутный лист. — Потом Чуфут-Кале, потом караимское кладбище.

— Насыщенная программа. Не хватает музея восковых фигур.

— Не шути про кладбище.

— Почему?

— Там у некоторых совсем неудачные шутки.

Ника взглянула на неё.

— Какие?

— Подожди до дубовой рощи.

Свято-Успенский монастырь появился неожиданно. Дорога вошла в глубокое ущелье, стены которого поднимались всё выше. Светлый камень был изрезан уступами и трещинами. Среди них цеплялись за скалы деревья. Затем открылись храмовые постройки, галереи, лестницы и кресты.

Ученики вышли из автобуса. Некоторое время никто не говорил, даже Зоя.

— Красиво, — сказала наконец Ника.

Тимур поднял камеру.

— Не снимай людей без разрешения, — напомнила Артемьева. — Это действующий монастырь.

— Я знаю, Марина Викторовна. Я здесь бывал.

Ника посмотрела на преподавательницу. И заметила, что Мира, прежде чем открыть путеводитель, тщательно проверила количество листов, вложенных внутрь. Там были не только страницы о монастыре: в сгине мелькнула старая схема школьного маршрута. Мира прижала её ладонью, заметив взгляд Ники.

— А вы часто приезжаете сюда с учениками?

— Иногда. Это традиционный маршрут наших исторических занятий.

— И раньше ездили?

— Разумеется.

Нике хотелось спросить про 2010 год. Но она вспомнила тётин голос и промолчала.

Экскурсовод рассказывал об истории обители и преданиях, связанных с образом Богородицы: о свете в скале, иконе и рассказе о страшном змее, от которого были избавлены жители. Он строго отделял предания от датируемых свидетельств.

— А дракон настоящий был? — спросил ученик.

— Мы можем изучить, когда и как передавали этот рассказ, — ответил экскурсовод. — Но предание не является документальным доказательством существования дракона.

Ника заметила одобрительный кивок Артемьевой.

— Сейчас Лев предложит экспертизу дракона, — тихо сказал Тимур.

— А ты?

— Попрошу его не двигаться, пока настрою резкость.

Лев обернулся:

— Я всё слышу.

— Пока что, — ответил Тимур. — Возраст берёт своё.

На разрешённой смотровой площадке Ника остановилась возле стены. Свет лежал на противоположном склоне, а глубокие складки камня оставались почти чёрными.

— О чём задумались, Соколова? — спросила Артемьева.

— Здесь легко поверить в легенду. Когда смотришь на скалу, не всегда понимаешь, где заканчивается природа и начинается работа человека.

— Тогда нужно внимательнее смотреть. Отделять увиденное от ожидаемого.

— А если человек заранее знает, что от него ждут? — спросила Ника.

— Тем труднее.

— И как он отличит своё наблюдение от подсказки?

— Запишет, что видел, до того как выслушает остальных.

Ника подумала о вчерашнем письме тёти. Она сохранила его целиком и не пересказывала одноклассникам. Впервые ей показалось, что это было правильно не из осторожности, а ради самих фактов.

Артемьева заметила её задумчивость.

— Вас что-то тревожит, Соколова?

— Пока не могу доказать.

— Хороший повод не торопиться с обвинением.

Женщина сказала это без угрозы. Именно поэтому Нике опять захотелось ей довериться.

Ника почти показала Артемьевой сообщение тёти: кому, как не заместителю директора, знать происхождение списка? Она уже потянулась к телефону, когда Мира окликнула преподавательницу.

Они заговорили возле лестницы. Мира жестикулировала, Артемьева слушала. Потом положила ей руку на плечо. Мира отстранилась.

Ника отвернулась: чужая ссора не становилась её делом оттого, что происходила на виду.

Перед уходом экскурсовод показал группе две фотографии монастырской стены. На одной светлое пятно под скальным выступом казалось маленьким огоньком; на второй, сделанной днём с другого места, на его месте обнаруживалась обычная светлая полоса камня.

— Что изображено на первом снимке? — спросила Артемьева.

— Свет в скале, — ответила девушка из второго ряда.

— На снимке — светлое пятно, — возразил Тимур. — Оно может быть чем угодно.

Лев прищурился.

— Разве нельзя определить направление освещения?

— Можно попытаться, если знаешь дату и место съёмки. А их нам не дали.

Ника молчала. Ей хотелось сказать, что в этом нет ничего особенного: человек видит то, о чём только что услышал. Но рядом стояла пожилая женщина с маленьким ребёнком, они пришли не на школьное испытание и не для того, чтобы посторонние обсуждали их веру.

— Скажите, — обратилась Ника к экскурсоводу, — у этих фотографий есть описания, сделанные самими фотографами?

— У одной есть. У второй — только подпись позднего составителя выставки.

— Тогда мы даже не знаем, пытался ли фотограф снять именно свет.

Артемяева удовлетворённо кивнула.

— Вот это и есть вопрос исследователя.

Лев наклонился к Нике:

— Разумеется, ты не могла позволить пятну остаться просто пятном.

— А ты не мог позволить мне первой заметить отсутствие подписи.

Он улыбнулся, но посмотрел ещё раз на обе фотографии. Отойдя, Ника услышала, как Лев попросил у экскурсовода сведения о времени съёмки. Значит, спор был ему нужен не только для победы.

На выходе группа встретила монаха, нёсшего ящик с кни-

гами. Мальчик из младших классов бросился снимать его крупным планом; Тимур осторожно опустил ему телефон.

— Сначала спроси разрешения. Это не экспонат.

Мальчик недовольно убрал руку. Ника заметила, что Тимур не прочёл нравоучения. Он просто дождался, пока тот отойдёт, и помог пожилому посетителю придержать тяжёлую дверь.

Артемяева, видевшая всё это, ничего не сказала. И Нике почему-то захотелось, чтобы сказала.

К Чуфут-Кале поднялись пешком. Дорога шла среди кустарника, скальных стен, старых деревьев. За воротами открылись вырубленные в известняке помещения, следы улиц и строений.

— А внизу пещеры? — спросила Ника.

— Скальные сооружения, — уточнил Тимур. — Не путай с природными пещерами.

— Почему?

— Потому что это разные вещи. И потому что не всякая дыра в скале ведёт в подземное царство.

— А какая ведёт?

— Та, откуда туристы возвращаются с одинаковыми расказами.

Тимур сделал снимок старой стены.

— Слышала про Чёрного спелеолога?

— Начинается. Вчера башня, сегодня призраки.

— Спрашиваю, слышала ли.

— Нет.

— Есть пещерная легенда. Человек в чёрном появляется под землёй, когда кто-то сбился с пути. В одних рассказах помогает, в других заводит глубже. Научного подтверждения нет, разумеется.

— А у археологов свои призраки?

— Свои ужасы. Например, находка без места и слоя.

— Страшнее человека в чёрном?

— Для историка — да. Чёрные археологи могут извлечь подлинную вещь и уничтожить сведения о том, где она лежала, с чем соседствовала. Вещь остаётся, история пропадает.

Ника посмотрела на старые стены.

— Получается, предмет сохранили, а прошлое испортили.

— Бывает. Особенно если вещь можно продать.

Группа уже уходила вперёд. Тимур убрал камеру, и они догнали остальных.

На самом плато ученикам дали ещё одно задание — сравнить старый план крепости с современным обзорным изображением. Карту выдавали парам, и Ника против воли оказалась рядом с Львом: остальные успели разобрать листы и спутниковые распечатки.

— Не переживай, — сказал он. — Я постараюсь не думать за двоих.

— Пожалуйста. Будет впервые.

По условию нужно было указать, у каких ворот стоял фо-

тограф сто лет назад. Лев сразу поставил карандаш у хорошо сохранившегося проёма. Ника уже хотела возразить, но заметила на старом плане узкую линию стены, исчезнувшей на современной схеме.

— Здесь мог быть проход, — сказала она.

— Здесь подписаны ворота.

— На копии. Посмотри, буквы печатные, а сама линия рукописная. Их могли добавить в разное время.

Лев склонился над листом, закрыв рукой солнце.

— Могли. Но доказательства пока нет.

Они подняли глаза на каменную кладку. За годы изменились тропы, обвалились участки стены, исчезли деревянные пристройки. Уверенное название на карте уже не казалось уверенным.

Тимур подошёл с фотоаппаратом.

— Вы двое не подрались? Это стоит снять.

— Мы установили, — сказал Лев, — что без датировки условие задачи некорректно.

— Наш человек, — с удовлетворением ответил Тимур.

Ника вдруг поняла, что ей приятно услышать слово «мы». Она тут же рассердилась на себя. Всего два дня прошло, а она уже замечала, как хорошо Лев улыбается, когда не старается никого победить.

Они принесли карту Артемьевой. Та не объявила победителя, а попросила записать обе версии и причины сомнения. Лев не возразил.

На обратном пути Ника заметила небольшую царапину на обложке его блокнота: острым предметом там был выведен ноль, перечёркнутый двумя линиями. Она ещё не знала, личная ли это метка Льва, чужая насмешка или обычная случайность. И впервые удержалась от вопроса, на который пока не имела права требовать ответа.

К караимскому некрополю в Иосафатовой долине ученики подошли после полудня. На согласованном маршруте их встретила Рахиль Давидовна, местная исследовательница, невысокая пожилая женщина с аккуратно уложенными седыми волосами. Она говорила негромко, но класс сразу перестал перебивать.

— Здесь не декорация для ваших фотографий, — сказала она. — Это место памяти семей. С дорожек не сходим, надгробий и деревьев не касаемся. Фото — только там, где разрешено. Договорились?

Тимур кивнул первым.

Они прошли к участку, где над старинными надгробиями поднимались дубы. Камни различались размером и формой, на некоторых сохранялись надписи. Ветер осторожно шевелил листьями.

— Иосафатова долина — одно из названий, — объяснила Рахиль Давидовна. — Балта-Тиймез обычно переводят как «Топор не коснётся». С деревьями связана традиция неприкосновенности. Но красивое предание — не лицензия на до-

мысел.

— А сколько лет дубам? — спросили из группы.

— Возраст конкретного дерева выясняют методами исследования, а не по убедительности экскурсовода. Особенно осторожны будьте с цифрами из туристических буклетов.

— А надписи действительно древние? — спросила Ника.

— Кладбище имеет долгую историю. Но датировки отдельных надгробий вызывали научные споры. Важны старые фотографии, первые публикации, чтение текста, состояние камня. Иногда прежний исследователь ошибался; иногда поздний читатель ошибался насчёт него.

— Значит, камень тоже требует проверки? — сказал Лев.

— Камень, молодой человек, меньше всего заинтересован в том, чтобы удовлетворить наше тщеславие, — ответила она.

Зоя тихо кашлянула, пряча смех.

За деревьями перекликались птицы, слышались голоса посетителей. Камни стояли там, где их оставили живые; ни один не обещал школьникам разгадки. Ника неожиданно почувствовала стыд за то, что ещё утром ждала от этого места чего-то страшного.

Рахиль Давидовна задержалась у выхода, чтобы ответить на вопросы. Один школьник захотел узнать, можно ли считать старую надпись правдивой, если её несколько раз переписывали в публикациях.

— Считайте правдивой то, что проверили, — ответила

она. — А остальное называйте гипотезой. Историю редко губят ошибки. Чаще — уверенность, с которой ошибку объявляют истиной.

— А если два специалиста прочли разные даты? — спросила Ника.

— Значит, сперва выясните, с каким именно состоянием камня работал каждый. Может быть, они спорят не о надписи, а о разных её фотографиях.

Тимур, стоявший рядом, поднял брови. Этот ответ явно совпал с тем, что он пытался объяснить Нике утром.

— И не забывайте, — добавила исследовательница, — здесь не лаборатория для школьных опытов. Это кладбище. Наши предположения никому не дают права вести себя без уважения.

На одной из боковых дорожек Ника увидела пожилого мужчину с маленьким букетом сухих цветов. Он шёл медленно, не глядя на школьников, будто боялся помешать их экскурсии. И от этого Нике стало неловко: они стояли с блокнотами возле места, куда человек пришёл вовсе не за учебным заданием.

Один из старшеклассников поднял телефон и начал приближать надпись на камне, возле которого остановился посетитель. Рахиль Давидовна мягко заслонила ему обзор.

— Отойдите, пожалуйста. Здесь сейчас человек вспоминает своего близкого.

— Но мы изучаем эпитафии, — возразил школьник.

— Изучать можно и через опубликованные фотографии. Важность научного вопроса не даёт права распоряжаться чужим горем.

Артемяева, до этого молчавшая, подошла ближе.

— Класс, возвращаемся на дорожку. Вы слышали руководителя экскурсии.

Школьник убрал телефон. Ника заметила, как Мира что-то пометила у себя в блокноте. Вероятно, опять выставляла оценки — даже в такую минуту.

Когда мужчина ушёл, Ника спросила Рахиль Давидовну:

— А вам никогда не кажется обидным, что здесь всё изучают посторонние?

— Обидно бывает, когда человек приходит уже с готовой историей и требует, чтобы камни её подтвердили. Исследователь, который готов увидеть другое, обычно никому не мешает.

Ника запомнила не ответ, а то, как легко учёная сумела защитить посетителя: без громких слов, без приказного тона. В школе такой поступок наверняка назвали бы «управлением конфликтом». Здесь его просто совершили.

Когда экскурсия закончилась, Мира попросила добровольцев исследовательского общества остаться ещё на пятнадцать минут на открытой площадке возле выхода, за пределами захоронений. Артемяева и Рахиль Давидовна беседовали поблизости; остальные ученики ушли к автобусу.

Остались Ника, Зоя, Тимур, Лев и несколько старше-

классников.

Мира раздала конверты. На каждом был напечатан ноль.

— Первое испытание Общества нуля, — сообщил Лев.

— Разве это не обычное исследовательское общество? — спросила Ника.

— Одно другому не мешает. Запретный статус делает скучную работу популярной.

Ника раскрыла конверт.

Внутри лежала старая чёрно-белая фотография: семеро школьников в одинаковых куртках возле ворот кладбища. На обороте были напечатаны семь фамилий, без даты и архивного номера. Ниже — задание: «НАЙДИ ВОСЬМОГО».

Ника посмотрела на Льва.

— Для интеллектуального общества пока скромно.

— Время пошло.

Остальные принялись разглядывать снимки. Кто-то искал тень, кто-то считал силуэты. Ника тоже увидела на дальнем плане тёмное пятно между деревьями — похожее на плечи, руку, круглый предмет на груди.

— Вон он! — воскликнула девушка рядом. — Чёрный спелеолог!

— Разумеется, — отозвалась Зоя. — На кладбище. Где же ещё.

Ника приблизила фотографию к глазам.

— Откуда вы знаете, что это восьмой ученик? Это может быть сопровождающий, прохожий или вообще тень. И спи-

сок ничем не подтверждён.

— На фотографии восемь фигур, — сказал Лев.

— Если восьмая действительно человек. Но задание требует найти того, кого нет в списке. Без происхождения списка мы можем только угадать.

Мира посмотрела на часы.

— Время. Твой результат — ноль.

— Это за отказ выдумывать ответ? У вас строгие критерии.

Лев пожал плечами.

— Бывает, что задача проще, чем ты думаешь.

— Бывает, что задача неправильно поставлена.

Мира протянула второй конверт.

— Продолжение. Только для тех, кто завершил первое испытание.

По условию нужно было указать, откуда сделан старый снимок крепости. Лев сразу поставил карандаш у хорошо сохранившегося проёма.

— Всё равно прочитай.

На листке было написано: «ВЕРНИСЬ ПОСЛЕ ЗАКАТА. НАЙДИ ТО, ЧЕГО НЕ УВИДЕЛА ДНЁМ».

— Вернуться сюда ночью? — спросила Ника.

Мира промолчала.

— Нет.

— Боишься? — поинтересовался Лев.

— Да. Совершать глупости. Это настоящее кладбище, а

не площадка для ваших игр. В темноте я сюда не пойду, даже если это испортит мне все оценки.

— Решение принято, — сказала Мира.

— Прекрасно. Наконец-то мы согласны.

Ника ушла к автобусу. Тимур отправился рядом.

У автобуса Мира догнала Нику и протянула узкую ведомость.

— Подпиши, что получила задание.

В графе «Результат» напротив фамилии Соколовой уже стоял ноль.

— Я получила листок, — сказала Ника. — Но не проходила испытание. Напиши так.

— У нас общая форма.

— Тогда оставляю подпись под тем, что видела: дата, место, полученные материалы. Оценку пусть ставит тот, кто её объяснит.

Мира молча убрала ведомость. Ника поняла, что только что нажила ещё одного человека, который при случае не подаст ей руку. Ничего страшного, сказала она себе. Рука у неё пока была собственная.

Рахиль Давидовна задержалась возле ворот, проверяя, все ли ученики вышли с разрешённого маршрута. Ника подошла к ней.

— Можно один вопрос? Если на старой фотографии человек стоит у входа, а на новом снимке этого входа не видно, можно узнать, когда его изменили?

— Иногда. По чертежам, описаниям и снимкам разных лет. А иногда выясняется, что ничего не меняли: фотограф просто стоял в другой точке.

— А если школьники уверены, что на снимке призрак?

— Тогда работу нужно начинать со школьников. С призраками сложнее договориться о методике.

Ника засмеялась. Потом посерьёзнела.

— Мы ничего здесь не нарушили?

— Официальная группа — нет. А чужие глупые задания я обсуждать не стану, пока не увижу их сама.

Мира стояла всего в нескольких шагах и всё слышала. Она не вмешалась. Рахиль Давидовна вежливо попрощалась и вернулась к воротам.

Артемьева ждала у автобуса. Увидев ведомость в Мириной руке, она попросила показать результаты.

— Соколова отказалась от второго этапа, — сказала Мира.

— От какого именно?

— От самостоятельной проверки после заката.

Артемьева подняла глаза. На мгновение Нике показалось, что преподавательница разгневется. Вместо этого она произнесла:

— На территории памятника нет никаких ночных самостоятельных проверок. Дайте мне текст задания.

Мира вынула лист и передала его. Артемьева прочла, сложила вчетверо и спрятала в карман пиджака.

— Обсудим это в школе. Не здесь.

— Значит, я не обязана возвращаться? — спросила Ника.

— Нет, Соколова. И впредь, если вам предлагают сделать что-то запрещённое, не спрашивайте сначала, потеряете ли вы за это баллы.

Голос был спокойный. Именно это произвело на Нику впечатление. Преподавательница не оправдывала бессмысленное испытание, и доверие к ней стало чуть крепче.

Мира первой поднялась в автобус. Зоя, сидевшая на ступеньке, смотрела на собственные колени.

— Она забрала лист, — сказала Ника.

— Лист можно переписать, — ответила Зоя. — У нас это получается лучше всего.

— Ты правда испугалась? — спросил Тимур уже в автобусе, когда остальные занимали места.

— Конечно. И не только ночной дороги.

— Я думал, просто не захотела играть по правилам.

— Это тоже.

— Правильно сделала.

— Ты ведь мог остаться.

— Я уже проходил похожие испытания. Когда предлагают доказать смелость глупостью, выигрывает организатор.

— Ты всегда так хорошо формулируешь?

— Нет. Иногда матом.

Ника рассмеялась.

— А человек в чёрном? Это школьная легенда?

— Спелеолог из пещерных историй и незаконный копатель — две совсем разные вещи. Их здесь смешали, чтобы страшнее было.

Тимур наклонился к экрану её телефона.

— На старой снимке фигура стоит у ворот. Только проход за ней выглядит не так, как сейчас.

— Перестроили?

— Возможно. Это как раз нужно проверять, а не угадывать. И Мира должна знать, какого года снимок.

— А не сказала.

— Ты умеешь замечать неудобное.

— Говорят, это мешает общаться.

— Иногда помогает не общаться с теми, с кем не надо.

По возвращении Ника не пошла сразу к себе. Она попросила у Тимура исходный кадр, сделанный днём у входа в некрополь, и они устроились за общим компьютером в учебной библиотеке. Снимать старые надгробия крупным планом они не стали: им нужны были ворота, тропа и деревья за пределами захоронений.

— Если совместить два изображения, — сказала Ника, — можно установить, откуда снимали старую фотографию.

— Можно попробовать. Но это не геодезия и не машина времени. Ракурс может обмануть.

Она подвинула стул. Тимур открыл оба файла рядом.

На современном снимке дорожка изгибалась левее, чем на старом. Ника уже приготовилась объявить, что проход перенесли, но Тимур ткнул пальцем в тень от ствола.

— Смотри на деревья, а не на дорогу. У них другая высота, да и камера стояла ниже.

Они несколько раз меняли масштаб, спорили, возвращали снимки к исходному виду. За окном темнело; в читальном зале щёлкнул выключатель, включился верхний свет. Наконец Тимур повернул экран так, чтобы Ника увидела сразу оба кадра.

— Вот эта развилка. Возможно, фотограф стоял здесь. И человек в чёрном — дальше, за остальными.

— Но на старом снимке у него на груди круглый предмет.

— Фонарь, футляр, объектив. С такого качества можно придумать целую биографию.

— А если у нас нет оригинала?

— Значит, пока нет права придумывать биографию.

Ника закрыла увеличенное изображение. Оба были раздражены и довольны: ничего сенсационного они не доказали, зато выяснили, какой именно документ им нужен.

Когда Тимур собрался уходить, она спросила:

— Почему ты помог? Тебе же не нужен мой ноль.

— Я снимаю места, а не слухи. На твоей фотографии кто-то превратил место в страшилку. Мне неприятно.

Он поднял камеру с подоконника, проверил, на месте ли крышка объектива.

— И ещё, Соколова. Мира не глупая. Если она дала тебе снимок без даты, то или сама чего-то не знает, или хочет, чтобы ты сперва ошиблась.

Эта мысль осталась с Никой и после того, как Тимур ушёл.

На ужин Ника пришла поздно. В столовой оставались только несколько старшеклассников, яблочные дольки на десертном столе и усталый повар, мечтавший закрыть выдачу. Ника взяла тарелку гречки с котлетой и обрадовалась тому, что хотя бы еда не требовала от неё анализа источников.

У раздаточного окна стоял мальчик из исследовательского общества. Увидев Нику, он показал приятелям экран телефона. Те засмеялись.

— Что там? — спросила Ника.

Мальчик повернул экран. В закрытом школьном чате было написано: «Курс 2026. Соколова — НОЛЬ. Самая короткая карьера в истории Общества».

Ниже стояла фотография Ники возле ворот кладбища. Снимок сделали днём, когда она отказалась от ночной части задания. Подпись гласила: «Бойтся призраков, но не собственных оценок».

— Весело? — спросила Ника.

— Это всего лишь шутка, — ответил мальчик.

— Тогда покажи её человеку, который ведёт стипендиальные дела. Пусть тоже посмеётся.

У него исчезла улыбка.

— Не собираюсь я ничего показывать.

— А другим, значит, можно?

— Ты сама устроила представление.

Ника почувствовала, как пересохло во рту. Самое обидное заключалось в том, что он был отчасти прав: она действительно спорила громко и с удовольствием. Но она отказывалась идти ночью на кладбище не ради красивой сцены.

— Удали фотографию, — сказала она.

— С чего бы? Она снята на экскурсии.

— На съёмку для издевательства я согласия не давала.

У стены кто-то кашлянул. Лев оторвался от своего стола, подошёл и взглянул на экран.

— Удали, — сказал он.

Мальчик выпрямился.

— Ты же сам был там.

— Был. И помню, что мы обещали обсуждать ответы, а не делать из людей объявления.

— А Мира?

— Мира умеет читать правила. Научи и себя.

Фотография исчезла из чата спустя минуту, хотя Ника прекрасно понимала: кто-нибудь уже успел её сохранить. Она не поблагодарила Льва. Он и не ждал.

— Ты защищаешь свою школу? — спросила она, когда мальчики ушли.

— Сейчас, — сказал он, — я защищаю право спокойно доесть ужин.

— Слабая мотивация для героя.

— Именно поэтому я не герой.

Он взял оставленную на столе книгу и направился к выходу. У дверей обернулся:

— И ещё. Не считай ноль результатом. Результатом бывает только то, что человек сделал. Остальное — чужая запись в таблице.

Ника посмотрела на тарелку. Еда остыла. Зато впервые за день ей захотелось открыть учебник, а не чемодан для обратной дороги.

Поднявшись наконец в жилой корпус, Ника увидела у порога своей комнаты маленький белый конверт. На карточке внутри стоял чёрный ноль, а на обороте: «ТЫ УВИДЕЛА ГЛАВНОЕ. НО ОТВЕТИЛА НЕ НА ТОТ ВОПРОС».

Скоро в дверь постучали. На пороге стояла Мира.

— Можно?

— У меня сегодня день неожиданных визитов.

Мира вошла, прикрыла дверь.

— Карточка твоя? — спросила Ника.

— Да.

— И что это означает?

— Ты заметила изъян в условии. Большинство не заметило.

— Тогда почему поставила ноль?

— При остальных я не могла поставить другую оценку.

— Почему?

Мира подошла к окну. В саду темнела старая башня.

— Некоторые правила живут дольше людей, которые их придумали.

— Это звучит как плохая школьная страшилка.

— Я не хочу тебя пугать.

Она обернулась:

— Ты племянница Елены Соколовой?

Ника не ответила сразу.

— Да.

— Она училась здесь.

— Я знаю.

— Не отдавай никому то, что получила вчера.

Ника почувствовала холод под рёбрами.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела похожий список. Но не знаю, кто прислал его тебе.

— Можешь объяснить, что означает ноль?

— Не сегодня. Я должна проверить кое-что сама.

Ника шагнула ближе.

— Послушай. Я приехала сюда учиться. Не участвовать в вашей игре. Если знаешь что-нибудь про мою тётю, скажи прямо.

На лице Миры впервые мелькнуло не высокомерие, а страх.

— Скажу, когда буду уверена, что ты не поступишь так

же, как остальные.

Она ушла.

Ника осталась с карточкой в руках.

Поздно вечером Зоя вернулась с репетиции. Она бросила сумку на стул, пожаловалась на сломанный микрофон и заметила карточку.

— Где взяла?

— Мира принесла.

Зоя не притронулась к ней.

— Это не обычное приглашение.

— И какое же?

— У Общества нуля есть уровни. Новичкам дают единицу, потом двойку, иногда тройку. А ноль — особое испытание.

— Что за испытание?

— Не знаю условий. В прошлом году одна девочка получила такую карточку и уехала. Официально — семейные обстоятельства. Больше ни с кем не разговаривает.

Ника повертела карточку. Она всё ещё пахла свежей типографской краской. Значит, приславший её не обязательно имел отношение к архивной копии 2010 года.

— Я покажу его Артемьевой. Она же ведёт исследовательское общество.

— Не путай официальные проекты и эти задания, — сказала Зоя. — В отчёте всё будет называться анализом источ-

ников. А в конверте почему-то написано идти ночью к кладбищу.

— Ты это уже проходила?

Зоя почесала край браслета.

— Один раз мы должны были выбрать, кого исключить из команды. Нам сказали, что это мысленный эксперимент. Потом человек, против которого проголосовали, узнал результаты.

— Зачем ему сказали?

— Это тоже объявили частью эксперимента.

Ника внимательно посмотрела на подругу.

— Ты голосовала?

— Да.

— Против кого?

— Против той, с кем дружила. Потому что мне показалось, что остальные ждут именно этого.

Она произнесла последнее почти шёпотом. Ника впервые не нашла ни одного остроумного ответа.

Зоя резко подняла голову:

— Не надо.

— Почему?

— Потому что... сначала выясни, кому из взрослых можно доверять.

Ника не стала допытываться. Она достала телефон и снова увеличила старую фотографию.

Зоя подняла край рукава, открыв красную полосу на за-

пьястье. Она так долго тёрла кожу возле браслета, что оставила след.

— После того голосования со мной перестала разговаривать одна девочка, — сказала она. — Не та, против которой я проголосовала. Другая. Та, которая считала меня смелой.

— И что ты сделала?

— Отправила ей двадцать три сообщения. В последних уже извинялась за первые двадцать два.

— Это звучит как ты.

— Ужасно, да? — Зоя криво улыбнулась. — А хуже всего то, что я до сих пор не знаю, что бы выбрала, если бы повторили испытание.

Ника хотела сказать, что правильный ответ очевиден. Но вспомнила, как сама утром смотрела на стипендиальную таблицу, боясь потерять доступ к занятиям. Она не была уверена, что имеет право судить с такой высоты.

— Возможно, стоит начать с того, чтобы больше не принимать чужую оценку за собственное решение, — сказала она.

— Ты всегда разговариваешь как последний абзац учебника?

— Только когда не знаю, что сказать.

Зоя рассмеялась, но глаза оставались мокрыми. Она взяла стакан воды, выпила половину и поставила обратно.

— Я записываю наши спектакли, — сказала она. — Иногда люди в зале слышат то, чего актёры вообще не говорили.

Гул, отражение, чужую реплику из-за кулисы. Потом клянутся, что всё слышали ясно.

— И как отличить?

— Найти исходный файл. А если его нет, хотя бы честно сказать: «Мне показалось».

Ника представила чёрную фигуру на фотографии. Ей очень хотелось, чтобы это оказался призрак: тогда на человека не пришлось бы возлагать ответственность. Она тут же отогнала мысль — слишком удобную для любого живого виновника.

Ника снова увеличила старую фотографию на телефоне. Между дубами угадывалась фигура, вытянутая рука и круглый предмет на груди. Семеро школьников смотрели в объектив, а человек в чёрном — куда-то в сторону.

Край изображения расплывался в пикселях. Ника закрыла фотографию и набрала в поиске название пансиона, год и слово «обсерватория».

Нашлась заметка о гибели семнадцатилетней воспитанницы. В коротком сообщении девушка не была названа; в следующей публикации появилось имя: Варвара Киселёва. По версии администрации, она сама проникла в закрытую башню вопреки запрету.

Ника дочитала заметку до конца, затем вернулась к первой строке. Слово «самостоятельно» в пересказе происхождения ничем не подтверждалось.

Тётя Елена называла имя погибшей без колебания и бо-

ялась говорить о той ночи. Почему, если Варвара действительно оказалась в башне одна и по собственной воле?

Она вернулась к фотографии. Не к фигуре в чёрном — к тому месту, откуда был сделан снимок.

Возможно, Мира задала им неверный вопрос с самого начала.

Искать нужно было не восьмого человека.

А того, кто держал фотоаппарат.

ГЛАВА 3

Седьмой звон

8 октября 2026 года. Четверг.

Мира Волкова умела разрушать чужие планы, не повышая голоса. Особенно убедительно у неё получалось делать это с вежливой улыбкой.

На утреннем собрании староста объявила новые правила осенней конференции.

— Все проекты должны иметь проверяемое авторство. Работы с неуказанными заимствованиями будут сняты с конкурса.

Одиннадцатиклассники встретили новость без восторга.

Лев Тихонов перестал листать программу.

— Кто будет определять заимствование?

— Экспертная комиссия.

— Из кого?

— Из преподавателей и приглашённых специалистов.

— Очень удобно.

Мира повернулась к нему:

— Есть возражения?

— Есть вопросы к составу комиссии.

— Их можно подать письменно.

— Значит, правила уже сочинили, судей назначили, теперь участникам осталось довериться справедливости?

Зоя наклонилась к уху Ники:

— Смотри. Сейчас столкнутся две силы природы.

— Какие?

— Самомнение и административный ресурс.

Мира положила программу на стол.

— Если у тебя нет нарушений, Тихонов, волноваться не о чем.

Лев поднялся.

— А если у меня есть вопросы к самой программе, это тоже нарушение?

— Смотря к кому ты обращаешься.

— Тогда начну с тебя.

Мира улыбнулась:

— Поздно.

Лев несколько секунд смотрел на неё, потом сел.

Ника почувствовала, что присутствует при разговоре, в котором главное осталось невысказанным.

После собрания никто не бросился обсуждать новые правила. Вместо этого ученики стали делиться на компании; те, кто обычно держался возле Льва, теперь обходили Миру сто-

роной. Зоя складывала тетрадь медленнее обычного.

— Он правда присвоил чужую работу? — спросила Ника.

— Я не видела исходных материалов.

— А что видела?

— Как люди перестают разговаривать, когда им невыгодно.

Мира услышала последнюю фразу, обернулась, но ничего не сказала. На мгновение Нике показалось, что староста вот-вот подойдёт к ним и извинится. Вместо этого Мира забрала программу и вышла.

— Раньше она бы нашла десять слов, чтобы поставить нас на место, — сказала Зоя.

— Может, устала.

— Может, начала думать не только о себе.

В голосе Зои было столько горечи, что Ника не решилась спросить, откуда она взялась.

Накануне, в среду, Ника успела только одно: отнесла библиотекарю заявку на доступ к фотографиям 2010 года. Тот принял её, поставил дату и предупредил, что разрешение выдаёт куратор архива. Подавать вторую заявку до ответа было бессмысленно.

Зоя предложила не тратить весь вечер на чужие тайны. Они сходили на репетицию, поужинали и даже успели поссориться из-за открытого окна. Но ночью Ника всё равно проверила телефон: ни от Миры, ни от тёти Елены новых объ-

яснений не пришло.

Теперь, после четвергового собрания, ждать ответа от архива она не собиралась.

После собрания Мира исчезла. Ника искала её, потому что за прошедшие дни накопила достаточно вопросов для отдельной конференции.

Нулевая карточка. Список 2010 года. Варвара Киселёва. Чёрная фигура на фотографии. Тётя Елена, которая отвечала всё реже. Ника выписала эти имена на отдельный лист, но стрелки между ними пока не провела: стрелка была бы уже версией.

В библиотеке не оказалось открытых отчётов об учебном эксперименте 2010 года. Электронный альбом за тот год был неполон. Старые публикации говорили о реорганизации программы после несчастного случая, не объясняя, что именно изменилось.

— Похоже, кто-то тщательно прибирался, — сказала Ника.

Тимур оторвался от ноутбука. Они сидели в читальном зале, где компьютеры имели доступ к внутреннему каталогу, но почти не работал обычный интернет.

— Или данные плохо перенесли.

— Ты всегда ищешь скучное объяснение?

— Когда оно подходит.

— А если не подходит?

— Ищу следующее скучное.

Ника положила распечатку старой фотографии перед ним.

— Посмотри на край, там, где чёрная куртка. Видишь ремешок?

Тимур достал лупу.

— Ты носишь это в школу? — удивилась она.

— А ты носишь чужие архивные фотографии. Каждый справляется с подростковым возрастом по-своему.

Он осмотрел лист.

— Почти ничего не видно, — сказал Тимур. — Это может быть ремешок от часов. Может, шов. Ты работаешь с копией копии.

— Ты мог бы хотя бы раз подтвердить мою догадку.

— Мог бы. Но зачем тебе такая помощь?

Ника вдруг смутилась.

— Иногда хочется, чтобы кто-нибудь сказал, что ты права.

— Для этого вокруг полно людей, которые всё время твердят, что правы они. Попроси оригинал снимка.

— У кого?

— У автора копии. Сначала установи, откуда она взялась.

Ника открыла переписку с Мирой и написала: «Нам нужно поговорить. Сегодня».

Ответ пришёл почти сразу: «После вечера. Не здесь».

«Почему?»

«Потому что здесь слишком хорошо слышат».

К вечеру «Меридиан» готовился отмечать годовщину основания своей современной образовательной программы. Приезжали родители, попечители, выпускники. В холле поставили буклеты, в столовой готовили праздничный ужин, на стендах развесили фотографии научных проектов.

Ника остановилась перед одной из витрин.

Зоя прошла мимо с клубком проводов, едва не задев её.

— Соколова, ты решила здесь поселиться?

— Опять нет 2010 года.

— Может, тогда ничего интересного не было.

— Тогда погибла ученица.

Улыбка сошла с лица Зои.

— Ты нашла сведения?

— Да. Её звали Варвара Киселёва.

— Не обсуждай это здесь.

— Почему?

— Потому что гости, а Мира ведёт себя так, будто собирается объявить кому-то войну.

Ника наклонилась ближе:

— Что случилось?

— Она сегодня спорила с Артемьевой возле актового зала.

Я случайно услышала. Мира сказала: «Если вы не сделаете, сделаю я». А Артемьева ответила, что она не представляет последствий.

— Когда?

— Час назад.

— Почему ты раньше не сказала?

— Думала, речь про конференцию. У нас здесь все спорят о великих делах.

Зоя кивнула на провода.

— Мне надо бежать. Звуковая система опять устраивает собственное мнение о нашей работе.

— Что с ней?

— Иногда из общей очереди запускаются старые файлы. Музыка, объявления, записи спектакля. Когда забывают очистить плейлист.

— И наружные колонки туда подключены?

— Да, несколько зон. Почему спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Приходи после ужина, покажу пульт.

Зоя убежала. Ника ещё раз взглянула на стенд и спрятала телефон. У её вопросов прибавился ответ, которым пользоваться пока было не с чем: в школе имелась общая система воспроизведения записей.

За полчаса до начала вечера Лев разговаривал по телефону у библиотеки.

— Я уже сказал, что разберусь. Нет, отец, никому не звони. Ты только сделаешь хуже.

Он отключил телефон, увидел Нику.

— Надеюсь, ничего не слышали.

— Только то, что произнесли достаточно громко.

На нём был тёмный костюм без галстука. Ника с раздражением отметила, что костюм ему шёл.

— Вы поссорились с Мирой? — спросила она.

— Сегодня или вообще?

— Она собирается снять твою работу с конференции?

Лев посмотрел на неё без улыбки.

— Откуда знаешь?

— Значит, собирается.

Он отвернулся к окну. По дорожке вниз шли младшие ученики с папками.

— Моя работа написана два года назад. Тогда проект был коллективным. Потом один участник ушёл из школы.

— И его имя исчезло из списка авторов?

Лев промолчал.

— Значит, да.

— Всё сложнее.

— Конечно. Когда убирают чужое имя, всегда всё сложнее.

— Ты ничего не знаешь.

— Тогда расскажи.

Он помолчал.

— Не сейчас. Я пытался исправить.

— Что именно?

— Соколова, тебе правда хочется выслушать сложный ответ? Или проще записать меня в злодеи?

Ника отступила от окна. Вопрос задел сильнее, чем хоте-

лось показать.

— Если Мира права, исправить всё равно придётся.

Лев взял со стола программу.

— А если она использует чужую ошибку, чтобы заставить сделать то, чего ты не хочешь?

Ника не ответила.

— Вот видишь. Случаются вопросы, на которые ты не отвечаешь сразу.

Он ушёл.

Торжественный вечер начался вовремя. В «Меридиане» даже погода, казалось, иногда сверялась с расписанием.

Актный зал украсили тёмно-синими тканями. За сценой светилась эмблема меридиана, родители заняли передние ряды, ученики — места поближе к выходам. Тимур стоял у боковой стены с камерой. Зоя следила за аппаратурой.

Директор Ланской говорил без записей: о свободе мысли, ответственности и необходимости сохранять лучшие традиции. Речь была неплохая. Ника почти слушала. Лишь на словах о непрерывной школьной истории вновь вспомнила пустой промежуток между 2009 и 2011 годами.

В 19:50 Мира подошла к ней.

На ней было тёмное платье, волосы собраны, в руках тонкая папка. Под глазами виднелись тени.

— Нам нужно поговорить.

— Я весь день пытаюсь.

Мира взглянула на Зою.

— Наедине.

Они вышли в боковой коридор. Из зала доносился голос директора.

— Ты нашла публикацию о Варваре? — спросила Мира.

— Откуда знаешь?

— Потому что ты искала. В 2010 году здесь проводили эксперимент.

— Какой?

— Образовательный. И опасный.

— Очень содержательно.

— Я пока не могу рассказать всё.

— Тогда зачем позвала?

— Потому что завтра будет поздно.

Мира открыла папку, достала узкую полоску фотографии. На ней виднелись старые ворота, несколько фигур и рука возле металлической калитки. Остальная часть снимка была обрезана.

— Это копия фрагмента. Сохрани.

— Почему не весь снимок?

— Полная версия в архиве. Кто-то прислал мне только эту часть. Я проверяю происхождение.

Ника посмотрела на неё.

— Ты сама была в этих испытаниях?

Мира кивнула.

— Помогала проводить некоторые. Я думала, мы прове-

ряем силу характера. А людям было больно. Особенно одному человеку. Я всё испортила.

— Зое?

Мира вздрогнула.

— Она рассказала?

— Не совсем.

— Значит, имеет право рассказать сама.

Ника впервые услышала в её голосе растерянность.

— Почему ты решила остановиться?

— Потому что поняла, кому верила.

Из зала донёсся всплеск аплодисментов. Мира посмотрела на часы.

— Мне пора. Я открою тебе часть рабочей папки. Но сначала проверь источники, прежде чем кому-нибудь показывать.

На Никином телефоне появилась ссылка: «ИСТОРИЯ. РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ».

— Почему мне?

— Ты здесь недавно. Ещё не привыкла не замечать лишнего.

Мира шагнула к залу, прижимая папку к боку так крепко, будто кто-то мог вырвать её прямо здесь.

— Подожди! Ты подозреваешь кого-то в смерти Варвары?

— Я подозреваю, что мы слишком долго называли случившееся несчастным случаем.

— Кто «мы»?

Мира остановилась на пороге.

— Завтра поговорим.

Ника запомнила эти слова. Впоследствии она много раз пыталась вспомнить, не было ли перед ними ещё чего-нибудь важного.

В 20:12 Мира разговаривала с человеком из попечительского совета возле парадной лестницы. Ника увидела их из конца коридора. Мужчина в светлом костюме вытирал платком лоб.

— Ты не представляешь последствий, — донеслось до неё.

Мира ответила:

— Именно поэтому я не стану ждать.

Тимур поднял камеру. Щёлкнул затвор.

Мира резко повернулась:

— Не фотографируй меня!

— Прости.

Тимур опустил камеру. В следующий миг к ним подошла Зоя с прибором для проверки звука и, не успев заметить их выражений, попросила Миру записать короткое приветствие для заключительной части вечера.

— Не сегодня, — сказала Мира.

— Это пять секунд.

— Пожалуйста, Зоя. Я не могу.

Зоя застыла. Ника видела, что подруга едва удерживается от колкого ответа, но вместо него только кивнула.

— Ладно. Возьму старое объявление.

Мира посмотрела на неё.

— Зоя, я хотела поговорить с тобой о том, что было весной.

— Вот уж чего не стоит делать сегодня.

— Мне жаль.

Зоя отвернулась. Когда она ушла, Ника заметила, как крепко Мира сжала папку. Было уже не похоже на каприз старости, которой не дали командовать.

Мужчина быстро ушёл. Мира заметила Нику и попыталась улыбнуться. Улыбка вышла неудачной.

Ника не сверилась с часами. Позднее Тимур передаст следствию исходный кадр с отметкой времени; самой Нике запомнились только пальцы Миры, вцепившиеся в папку.

Незадолго до объявления Ника видела Артемьеву у двери актового зала: та коротко переговорила с ведущей, заглянула в программу и направилась к лестнице административного корпуса. Ника решила, что преподавательница спешит подключиться из кабинета.

В 20:22 ведущая объявила:

— К нам присоединится Марина Викторовна Артемьева. Ей пришлось задержаться в административном кабинете за подготовкой завтрашнего заседания.

На экране появилось изображение преподавательницы. Позади виднелся книжный шкаф. Раздались аплодисменты.

— Добрый вечер, дорогие друзья, — сказала Артемьева.

— Мне особенно приятно видеть, что пансион воспитывает людей, способных задавать трудные вопросы.

Ника улыбнулась — Артемьева произносила «трудные вопросы» без всякой насмешки. Жаль, что отвечать на них взрослые предпочитали в другое время.

С экрана Артемьева говорила о традициях и исторической памяти. Ника слушала, пока её внимание не привлёк слишком ровный свет на книжных корешках позади преподавательницы.

Камера оставалась неподвижной; часы на заднем плане были повернуты к зрителям боком. Когда в зале кто-то засмеялся не к месту, женщина на экране продолжала говорить с тем же невозмутимым выражением лица. Ника решила, что Артемьева, вероятно, просто не слышит зал.

Ведущая сказала: «к нам присоединится». Никто не спросил, почему женщина из кабинета не отвечает на шум зала. Ника тоже не спросила.

Зоя у пульта нахмурилась. Она то смотрела на экран, то на индикаторы звуковой дорожки.

— Что-то не так? — спросила Ника.

— Странный звук.

— Почему?

— Слишком ровный. Будто писали заранее.

— Может, хороший микрофон.

— Может.

Зоя вернулась к пульта. Артемьева на экране закончила

речь, зал захлопал. Ведущая объявила музыкальную паузу и не стала обращаться к ней с вопросами.

Ника осталась в зале на минуту дольше, чем собиралась. Ведущая уже объявляла музыкальный номер; по проходу спешили ученики с папками. Ника пыталась отыскать в этом движении Миру. Вместо Миры увидела на боковой стене монитор, куда тоже выводили выступление Артемьевой. Изображение запаздывало относительно звука на едва уловимую долю секунды: губы преподавательницы ещё складывались в слово, когда оно уже прозвучало из колонок.

— У вас всегда так? — спросила Ника у проходившего мимо техника.

Парень поправил гарнитуру и, не останавливаясь, ответил:

— Сегодня сигнал с пульта. Если начнёт совсем расходиться, скажите ведущей.

Он был занят и не собирался давать консультацию о природе времени. Ника посторонилась. Зазор исчез; аплодисменты пошли вровень с движением рук. Через минуту она и сама перестала помнить, что заметила. Наверное, это было обыкновенной особенностью аппаратуры.

У дверей стояли две девочки из младшего класса. Одна показывала подруге экран телефона: на видео Артемьева рассказывала об исторических ошибках. Девочка уже успела вырезать из речи фразу о том, что «полезное сомнение начинается с уважения к источнику».

— Для нашего канала, — пояснила она, перехватив взгляд Ники. — Очень красиво сказала.

— А что было до этого? — спросила Ника.

— Что?

— Предыдущее предложение.

Девочка прокрутила запись. До эффектной фразы преподавательница говорила о необходимости не публиковать непроверенные обвинения. Без этого начало вырезанного отрывка звучало так, будто речь шла о смелости отвергать любые авторитеты.

— Видишь? — сказала Ника. — Смысл получается другой.

— Тогда не буду выкладывать, — нехотя ответила девочка. — Полный ролик слишком длинный. Его никто не досмотрит.

Ника впервые подумала, что даже правдивую запись можно заставить служить чужой мысли, ничего в ней не подделывая. Достаточно выбрать начало и конец.

На сцене школьный хор запел так старательно, что слова перестали различаться. Ника оглянулась к выходу, где незадолго до этого стояла Мира. Дверь теперь была свободна. Она достала телефон и написала старосте короткое сообщение: «Ты где? Нам нужно закончить разговор».

Ответ не пришёл.

Ника не испугалась. Она ещё не знала, сколько обычных минут останется до того, как каждое непрочитанное сообще-

ние превратится в вопрос, который уже некому задать.

В начале десятого Артемьева уже стояла у выхода из актового зала и отвечала на вопросы родителей. Ника отметила это лишь мимоходом: выступление на экране и живой разговор с гостями казались частями одного обычного вечера.

Мира не вернулась в зал. Сначала Ника не придавала этому значения: староста постоянно исчезала к гостям, преподавателям, на репетиции. После выступления Артемьевой она написала: «Ты где? Нам нужно договорить». Сообщение доставилось. Ответа не последовало.

Лев стоял у выхода и разговаривал с отцом. Ника узнала мужчину по сходству: та же привычка чуть наклонять голову, когда слышит неприятное.

— Ты обещал, что вопрос закрыт, — произнёс отец.

— Он и был закрыт.

— Почему тогда о нём опять говорят?

— Потому что кое-кто не умеет оставлять ошибки в прошлом.

— Возможно, правильно делает.

Ника подошла:

— Простите, вы Миру не видели?

— Она была в холле, — ответил мужчина. — Разговаривала с Сергеем Павловичем из попечительского совета.

Лев резко посмотрел на отца.

— С ним?

— Не вижу ничего особенного.

— Лев, что случилось? — спросила Ника.

— Не сейчас.

— Я просто ищу Миру.

— Тогда попробуй написать ей, как нормальный человек.

— Я уже написала.

Лев вздохнул, ушёл к гостям. Ника снова набрала номер Миры. Гудки продолжались, но девушка не отвечала. Нике показалось, что за закрытой дверью служебного коридора мелькнул похожий звук. Она остановилась, прислушалась. Ничего. Проверить эту догадку было невозможно.

К десяти гости разъехались. Украшения ещё висели, но персонал убирал посуду и складывал стулья.

В комнате Ника разглядывала полученный от Миры фрагмент фотографии. На переднем плане была рука с большим ключом у металлической калитки. На пальце — простое кольцо. Важнее оказалось другое: рука принадлежала человеку по ту сторону ворот, которого сам снимок почти не показывал.

Ника записала: «Кто держал ключ? Кто фотографировал?»

Затем открыла присланную Мирой папку. Там были снимки, списки, таблицы, текстовые файлы. Большая часть документов — фрагменты без титульных листов и указания автора. Она выбрала файл с датой 2010 года.

«МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЕАКЦИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ».

В таблицах перечислялись реакции на противоречащие инструкции, давление авторитетной фигуры и необходимость сохранить доверенную информацию. Один сценарий предлагал ученику подтвердить или опровергнуть обвинение против друга. Отказ тоже оценивался.

Ника вспомнила конверт у дубовой рощи. Её пытались заставить нарушить правила под видом испытания характера. Год на странице был 2010-й; автора в сохранившемся фрагменте не указывали.

Телефон показал, что Мира по-прежнему не ответила.

Ника потянулась написать ей ещё раз. В этот момент погас свет.

Темнота наступила сразу. За стеной закричали; затем зажглась аварийная лампа над дверью. Главный корпус продолжал светиться — отключилось жилое крыло.

— Опять питание, — сказала Зоя. — Сейчас электрик сначала заявит, что всё работает, потом выяснит, что нет, и напоследок скажет, что предупреждал.

Ника улыбнулась без радости. На экране ноутбука оставалась таблица 2010 года.

— Где сейчас Мира? — спросила она.

— Возможно, у Артемьевой. У старосты разрешение работать допоздна.

— Ты говорила, что башня закрыта. А колокол там работает?

— Его почти не используют. С чего вдруг вопрос?

— Просто вспомнила.

Зоя подняла голову от телефона, но Ника уже закрыла файл.

В 23:47 раздался первый удар.

Низкий металлический звук прошёл через открытое для проветривания окно и будто прокатился по стенам комнаты.

Второй.

Третий.

Ника подошла к стеклу.

Четвёртый.

Пятый.

Шестой.

Зоя замерла с телефоном в руке.

— По школьной легенде звонят шесть раз, — проговорила она.

Седьмой удар был громче остальных. На секунду стало тихо. Потом со стороны сада прозвучал далёкий женский голос:

— Не надо!.. Пожалуйста...

Ника отступила от окна.

— Это Мира, — выдохнула Зоя.

Ника бросилась в коридор.

— Куда ты? — закричала соседка.

— Она зовёт на помощь!

Из дверей высовывались ученики. Кто-то смеялся, кто-то требовал объяснений. На лестнице Нику остановила дежурная воспитательница.

— Соколова! Куда?

— Кто-то кричал! Возле башни!

— Остановитесь.

— Вы слышали?

— Слышала удары. Голос — не уверена.

Подбежала Зоя.

— Это мог быть звук из школьной системы, — сказала она, запыхавшись. — Может, включили старый файл.

Ника повернулась к ней:

— Мог?

— Я не знаю. На таком расстоянии голос искажается.

Воспитательница связалась с охраной по рации и попросила проверить территорию и аппаратуру.

— Обе возвращайтесь в комнату. На улицу никто не выходит.

— А Мира?

— У Волковой разрешение задержаться за работой.

— Кто разрешил?

— Администрация. Соколова, достаточно.

Ника хотела спорить, но Зоя взяла её за руку.

— Пойдём. Они проверят, а мы только помешаем.

Ника вернулась в комнату. Было невыносимо стоять на месте, когда кому-то, возможно, нужна помощь; но взрослые уже проверяли территорию, а она сообщила всё, что действительно слышала.

В комнате Зоя достала наушники, однако слушать ничего не стала.

— У нас в спектакле был звук колокола, — сказала она.
— После седьмого удара появлялся призрак девочки.

— А голос?

— Тоже записывали.

— Кто играл девочку?

Зоя помолчала.

— Мира. В прошлом году.

Ника вспомнила запись, услышанную в самый первый вечер. «Не надо... Пожалуйста...» Были ли слова теми же? Или её память уже подстраивалась под услышанное?

Она написала Мире: «Где ты? Мы слышали голос. Ответь».

Сообщение доставилось. Ответа не было.

Свет вернулся около половины первого. Дежурная воспитательница сказала, что возле башни никого не нашли, а источник звука выясняют. Ника не сочла это ни подтверждением, ни опровержением собственного страха.

Под утро Нике приснилась дубовая роща. Между надгробиями шёл человек в чёрном, и всякий раз, когда она при-

ближалась к нему, появлялись другие ворота. Вместо лица под капюшоном была фотография семерых учеников. Невидимая Мира говорила: «Найди восьмого».

Ника проснулась от стука. За окном уже светало.

В коридоре спешили люди. Потом кто-то вскрикнул — негромко, но так, что все остальные звуки исчезли.

Зоя села на кровати.

— Что случилось?

Ника взглянула на часы: 7:10.

Они вышли на лестницу. Внизу, у старого крыла, собрались сотрудники. Мужчина с ключами, встретивший Нику в первый день, был бледен. На рукаве куртки виднелась строительная пыль.

— Что произошло? — спросила Ника.

Никто не ответил.

Она спустилась ниже. Директор Ланской вышел из служебного коридора. Его лицо было не испуганным, а растерянным, будто случилось нечто, чего не могло быть в правильно устроенной жизни.

— Всем вернуться в комнаты, — сказал он.

— Где Мира? — спросила Ника.

— Соколова. Немедленно.

Из-за его плеча появился работник.

— Из основного коридора не открывалась, — сообщил он.

— Пришлось зайти через служебную дверь.

Ланской резко повернулся:

— Не здесь!

Но Ника уже увидела открытую дверь зала старинных карт. Длинный стол, старые карты на стенах, окно. На светлом полу у стола лежало что-то тёмное.

Она решила, что это упавший плащ.

Потом увидела руку. Тонкую, совершенно неподвижную. На запястье блеснул знакомый браслет: Мира всегда его носила.

Ника остановилась. Ноги не слушались.

Взрослые закрыли дверь, велели детям отойти. Кто-то вызвал скорую, кто-то полицию. Зоя обняла Нику за плечи.

— Не смотри.

Но руку она уже увидела. И знала, что вечером Мира носила тот же браслет.

Вчера Мира разговаривала с ней, сердилась, обещала показать документы. «Завтра поговорим».

Что осталось от обещания «завтра поговорим»? Ника никак не могла вспомнить, каким голосом произнесла тогда своё «ладно».

Через час приехали следователи. Коридор перекрыли; учеников попросили оставаться в жилом корпусе до опроса. В столовой сперва отменили завтрак, потом всё-таки раздали чай и бутерброды.

В школьном чате сообщения появлялись одно за другим: «Миру нашли мёртвой». «Говорят, несчастный слу-

чай». «Нет, её убили». «Она слышала Седьмой звонок».

Ника выключила телефон.

— Зоя, у тебя сохранилась запись спектакля?

— Да.

— Там был голос Миры?

Девушка кивнула. Глаза у неё покраснели.

Ника положила на стол фрагмент фотографии: чужая рука держит ключ у ворот, несколько школьников смотрят на фотографа, ещё один силуэт скрывается среди деревьев. Мира могла объяснить хотя бы часть этой истории. Теперь она мертва.

Ника достала тетрадь. Перелистнула страницу с тремя шутивными планами на первый день и написала на чистом листе:

«МИРА ВОЛКОВА. 8–9 ОКТЯБРЯ 2026».

Ниже — два вопроса.

«Когда её видели живой в последний раз?»

«Кому было нужно, чтобы мы поверили: голос из сада принадлежал живой Мире?»

Она остановилась и добавила третий:

«Откуда взялась запись?»

Зоя смотрела на неё молча. Ника закрыла тетрадь, когда раздался стук в дверь: пришли приглашать их на разговор со следователем.

На пороге стояла сотрудница полиции, молодая женщина в гражданской куртке. Она представилась, назвала фамилию

следователя и спокойно попросила девушек принести телефоны: их собирались опросить отдельно, а возможные сообщения от Миры — зафиксировать.

— Мы не трогали ничего в зале, — поспешно сказала Ника.

— Хорошо. Тогда расскажете, где вы были вечером и что слышали ночью. Только, пожалуйста, отделяйте то, что слышали сами, от того, о чём прочитали в школьном чате.

Ника посмотрела на Зою. Та кивнула едва заметно.

— Я слышала женский голос, похожий на голос Миры, — сказала Ника. — Тогда мне казалось, что он доносится от башни. Но я никого там не видела.

Женщина чуть внимательнее посмотрела на неё.

— Вот с этого и начнём.

Хасанова ничего не сказала о колоколе и проклятии. Только попросила вспомнить, кто стоял у окна и какие двери были открыты. Ника испугалась: на простые вопросы она отвечала хуже всего.

Перед самым выходом Ника обернулась к окну. Башню скрывали деревья; впервые за двое суток она не захотела смотреть в ту сторону. Ответ был где-то в школе. Но начинать придётся с того, что она видела своими глазами.

ГЛАВА 4

Запертые двери

9 октября 2026 года. Пятница.

Когда в школе умирает человек, расписание продолжает исполняться с оскорбительной добросовестностью.

В семь сорок пять в столовой включили кофемашину. В восемь дежурный повар объявил, что овсянка остывает. В восемь пятнадцать из кабинета музыки донеслись гаммы. Кто-то не прочёл сообщение об отмене занятий или решил, что смерть старосты не является уважительной причиной пропустить упражнения.

Ника сидела на подоконнике возле комнаты дежурного воспитателя и смотрела, как внизу дворник собирает жёлтые листья. Метла скребла гравий, листья возвращались на место. Работа, очевидно, была рассчитана на вечность.

Зоя стояла рядом с телефоном в руке. Она больше не шутила. На экране светилось последнее сообщение, которое Мира отправила ей ещё весной. Зоя несколько раз открывала его и тут же гасила дисплей.

— Ты не обязана читать, — сказала Ника.

— Я и не читаю.

— Тогда зачем открываешь?

— Проверяю, не изменилось ли.

Ника повернулась к ней. Зоя смотрела не на телефон, а на дверь комнаты, куда по одному приглашали учеников.

— Мне в ту ночь показалось, что это её голос, — тихо сказала Зоя. — Я первая сказала «Мира». Теперь все в чате пишут, что мы слышали Миру. Даже те, кто спал.

— Мы слышали женский голос.

— Ты вчера не была такой осторожной.

— Вчера она могла ответить на звонок.

Зоя закрыла телефон, словно это было невежливо — оставлять его открытым после этих слов.

Из комнаты вышел Тимур. В руке он держал камеру, ремень был аккуратно намотан на кисть. При виде девушек он остановился.

— Что спрашивали? — не удержалась Ника.

— Где был. Что снимал. Кому показывал фотографии.

— Про Миру?

— Про всех. Сначала спросили, какая у камеры дата, потом как я её выставляю. Пришлось объяснять, что я не астрономическая обсерватория: часы иногда спешат.

Он попытался улыбнуться. Не вышло.

— И снимок у лестницы? — спросила Ника.

— Попросили сохранить исходный файл. Вместе с остальными кадрами, без обработки.

— На нём видно человека из попечительского совета.

— На нём видно Миру, человека из совета и край колонны. Остальное ты дорисовала сама.

Ника вскинула голову, но Тимур уже посмотрел на Зою.

— Тебя, кажется, зовут.

Дверь приоткрылась. Молодая сотрудница, приходившая утром в комнату, назвала Зоину фамилию. Та сделала шаг, вернулась, схватила Нику за рукав.

— А если они спросят, откуда у меня старая запись спек-

такля?

— Скажи, откуда.

— Я сама её монтировала.

— Вот и скажи.

Зоя отпустила рукав. Впервые за эти дни она не ответила шуткой.

Когда дверь за ней закрылась, Тимур сел рядом с Никой.

— Ты ела?

— Нет.

Он вытащил из кармана упакованное печенье.

— Вчера купил. Срок годности, если верить упаковке, переживёт нас обоих.

Ника взяла печенье. Открыть не сумела: пальцы дрожали. Тимур молча надорвал край обёртки и вернул ей.

— Не надо спасать меня от всего, — сказала она.

— Я спасаю школьную форму от крошек. Это гораздо реалистичнее.

Она съела половину, не почувствовав вкуса.

Следователь Хасанова не походила на человека, которому требовалось производить впечатление.

Женщина лет сорока, с короткими тёмными волосами, в простой рубашке и тёмном жакете, она сидела за столом, на котором не было ничего лишнего: блокнот, папка, стакан воды и небольшой диктофон, пока выключенный.

Возле окна сидела женщина-психолог, которую Ника

прежде видела лишь мельком. Перед началом официально-го опроса следователь объяснила Нике, какие сведения им нужны, кто присутствует при разговоре и что мать уже уведомлена администрацией о случившемся. Нике предложили самой позвонить ей. Она позвонила — и пожалела: услышать мамин голос оказалось гораздо труднее, чем выдержать пустую башню за окном.

Теперь разговор продолжился в установленном для несовершеннолетних порядке. Хасанова не торопила, давала договорить и дважды уточнила, не нужно ли сделать перерыв.

— Итак, Вероника Андреевна, — сказала она. — Назовите время, когда вы в последний раз разговаривали с Мирославой Волковой лично.

— Около восьми вечера. Точнее не скажу. Она вышла со мной в боковой коридор из актового зала.

— Почему вы уверены, что это было около восьми?

— Директор тогда произносил речь. Потом я вернулась, и мероприятие продолжалось. Но я не смотрела на часы.

— Хорошо. Что она вам сказала?

Ника рассказала о Варваре, о документах 2010 года и о папке со ссылкой. Показала обрезанный снимок, который Мира передала ей, и переписку. Хасанова не выхватила у неё телефон. Она попросила сохранить устройство и файлы в неизменном виде, затем зафиксировала переданные сведения и договорилась о предоставлении копий по установленной процедуре.

— Вы полагаете, — спросила следователь, — что эта фотография связана с гибелью Волковой?

— Она дала её мне в тот же вечер. Сказала, что завтра будет поздно.

— Это ответ на вопрос, когда она дала. Я спрашиваю, почему вы связываете снимок со смертью.

Ника замолчала.

Вчера ей казалось, что ответ очевиден. Сейчас, перед человеком, который мог записать её слова как показания, очевидность куда-то делась.

— Потому что Мира боялась, — наконец сказала она.

— Чего?

— Не сказала.

Хасанова кивнула и записала что-то в блокнот.

— Неизвестно, чего именно боялась, — произнесла она как будто для себя. — Это важно.

Ника посмотрела на её руку.

— Вы думаете, её убили?

— Мы выясняем обстоятельства смерти. Будем работать с медицинскими и вещественными данными, опрашивать людей. Раньше выводов делать нельзя.

— Но у неё был конфликт.

— С кем?

Ника почувствовала, как загораются щёки.

— С Львом Тихоновым.

Хасанова подняла глаза.

— Расскажите, что видели сами.

Ника описала утренний спор о правах на исследовательскую работу, разговор Льва с отцом у библиотеки, его слова о Мире, которой не следовало «оставлять ошибки в прошлом».

— Он злился на неё, — закончила Ника.

— Вы видели, как он злился, или сделали вывод из разговора?

— Они говорили резко.

— Это можно проверить. А слова о том, что он злился, — ваше впечатление.

— Вы ведь сами спросили.

— И очень благодарна, что вы ответили. Только впечатление нужно называть впечатлением.

Хасанова перевернула лист.

— Где вы видели Тихонова после выступления заместителя директора?

— Возле выхода из зала, с отцом. Не знаю точно, во сколько.

— Значит, вы не можете сказать, где он был всё время между последней встречей с Волковой и вашим разговором.

— Нет.

— Тогда не говорите так, будто можете.

Ника опустила взгляд.

— Я так не говорила.

— Пока нет. И это хорошо.

Хасанова сделала паузу.

— Теперь голос. Какие именно слова вы слышали ночью?

— «Не надо. Пожалуйста».

— Вы узнали голос Волковой?

— Сначала подумала, что это она. Но Зоя вспомнила школьный спектакль, в котором Мира произносила похожие слова. Я не могу утверждать.

— Откуда, по вашему мнению, шёл звук?

— Мне показалось, из сада, со стороны башни. Мы были в комнате с открытым окном. Там эхо.

— Вы видели Волкову на улице?

— Нет.

— Видели кого-нибудь у башни?

— Нет.

— Значит, о месте, откуда шёл звук, вы знаете только по слуху.

Ника хотела возразить: по слуху — значит слышала. Это ведь тоже свидетельство. Но вовремя вспомнила урок Артемьевой о подлинных и изменённых фотографиях.

— Да, — сказала она. — Не видела.

— Хорошо.

За окном просвистела птица. По коридору протащили тележку, колёса стучали на стыках плитки.

— Я должна была пойти к ней, — вырвалось у Ники.

Хасанова подняла голову.

— К кому?

— К Мире. Она ждала меня после вечера. Я написала, но не нашла. Потом услышала голос и снова не вышла.

— Вы сообщали о голосе взрослым?

— Да. Дежурная связалась с охраной.

— Значит, вы сделали то, что могли сделать безопасно. Остальное — не ваша обязанность.

Ника стиснула зубы. В любом другом разговоре такая фраза показалась бы ей утешением. Теперь она прозвучала как ограждение вокруг места, куда ей не позволят вернуться.

— У меня есть ещё один вопрос, — сказала она. — Зал был заперт изнутри?

— Кто вам это сообщил?

— Утром сотрудник сказал: «Из основного коридора не открывалась». Я слышала.

— Это не одно и то же.

— Там есть другая дверь?

Хасанова несколько секунд смотрела на неё.

— Мы осматриваем оба входа. Осторожнее с такими словами, Вероника. Время и обстоятельства закрытия двери установит проверка, а не школьная легенда.

— Значит, это не загадка запертой комнаты?

— Для школьной страшилки — возможно. Для следствия это помещение с дверями, замками и людьми, у которых могли быть ключи.

Ника впервые с утра почти улыбнулась.

— Вы не верите в призраков?

— В моей работе нет графы «призрак». Зато есть графа «установить источник звука».

Она закрыла папку.

— Благодарю. Пока больше вопросов нет. Если вспомните что-то, сообщите мне или сотруднику, который будет работать с вами. И, пожалуйста, не обсуждайте с другими свидетелями их ответы. Это не запрет думать. Это просьба не портить чужую память своими версиями.

На пороге Ника обернулась:

— А если я уже обсуждала?

— Тогда расскажите с кем. И с этого момента постарайтесь остановиться.

Ника подумала о половине школы, которая с ночи спорила в общем чате. Следовательно заметила её выражение.

— Я знаю, — сказала Хасанова. — Потому и прошу.

В коридоре стоял Ланской.

Директор разговаривал с женщиной в тёмном пальто и всё время разглаживал пальцами край папки. Когда Ника вышла, он замолчал.

— Соколова. Надеюсь, вы сообщили всё необходимое?

— Всё, что знала.

— Именно это и требуется. Сейчас школе важно сохранить спокойствие.

— Мире оно уже не поможет.

Мужчина в пальто отвернулся. Ланской медленно сложил

папку.

— Очень неуместное замечание.

— Знаю.

Ника прошла мимо.

Она поняла, что отныне школьный директор будет помнить каждое её слово. Впрочем, сегодня перспектива испортить отношения с администрацией потеряла большую часть прежнего ужаса.

На доске объявлений возле лестницы уже висел официальный лист:

«В связи с трагическими обстоятельствами учебные мероприятия до особого распоряжения приостановлены. Просим воздерживаться от распространения непроверенных сведений».

Кто-то успел дописать карандашом под последней строкой: «А проверенные где взять?»

Ника узнала почерк Зои и едва заметно улыбнулась. Затем стёрла надпись ладонью: бумага размазалась серой полосой.

Почерк, возможно, принадлежал вовсе не Зое. Она обнаружила, что уже успела сделать вывод по одному-единственному изгибу буквы.

Сама того не заметив.

В столовой собрали старших учеников. Чай наливали в бумажные стаканчики, поскольку привычную посуду кто-то, должно быть, счёл слишком весёлой для траура. На свобод-

ном месте у стены лежал Мирин тёмно-синий шарф. Ника увидела его и остановилась.

Шарф был чужой — чуть другой оттенок, другая вязка. Но эти несколько секунд показались ей предательством: ещё утром она могла отличить Мирину вещь от сотни похожих. Теперь не могла.

Зоя сидела за дальним столом. Перед ней остывал чай, рядом лежала упаковка салфеток, вскрытая с такой аккуратностью, будто она выполняла задание по реставрации.

— Как прошло? — спросила Ника.

— Я сказала про запись. И про систему оповещения.

— А исходный файл?

— Его попросили сохранить. Доступ к аппаратной закрыли, я туда не возвращалась.

— Они поверили?

— Не знаю. Это не контрольная, Ника. Там не ставят зачёт за правильный ответ.

Ника села рядом. Хотела попросить прощения, но Зоя уже смотрела на другой конец зала.

Лев стоял возле кофе-машины. Двое мальчиков что-то говорили ему одновременно. Он не отвечал.

— Его тоже опрашивали, — заметила Зоя.

— Всеобщая радость.

— Ты думаешь на него?

— У него был мотив. Он спорил с Мирой, его отец пытался уладить историю с проектом. Вечером Лев исчезал.

— Ты знаешь, что исчезал?

— Не видела его всё время.

— Ника, я тоже не видела тебя почти весь вечер. Это делает нас соучастницами?

— Не передёргивай.

Зоя посмотрела на неё устало.

— Я пытаюсь. За нас обеих.

Лев направился к выходу. Ника поднялась так резко, что стаканчик с чаем опрокинулся.

— Куда ты? — спросила Зоя.

— Поговорить.

— Следовательно только что просила не обсуждать показания.

— Я не собираюсь спрашивать его о показаниях.

Ника сама не знала, что собирается спрашивать. Но когда увидела лицо Льва, услышала собственный голос:

— Мира хотела исключить твою работу. Ты знал, что она собирает документы?

Лев остановился посреди прохода.

— Вчера ты задавала тот же вопрос.

— Вчера она была жива.

Несколько человек обернулись.

Лев посмотрел на Зою, оставшуюся у стола, потом снова на Нику.

— Говори тише.

— Почему? Неудобно, когда люди слышат?

— Неудобно, когда ты обвиняешь человека среди столовой, не зная, о чём говоришь.

— Я не обвиняю. Я спрашиваю, где ты был после половины девятого.

Лицо Льва изменилось. Он даже отступил на шаг.

— Это уже спрашивали люди, которым я обязан отвечать. Тебе — нет.

— Мира хотела рассказать о чужом имени в твоей работе. Вы поссорились. А потом её убили.

Тишина в столовой стала плотной.

Кто-то за соседним столом поднял телефон. Ника увидела движение краем глаза, но было поздно.

— Вот теперь это обвинение, — сказал Лев. — И очень скверное.

— Тогда скажи, что я ошибаюсь.

— Ошибаешься.

— А где ты был?

Лев молчал. Не от того, что нечего было сказать. Ника увидела на его лице другое выражение: человек выбирал, какие слова не стоит отдавать толпе.

— Тебе нужен убийца, Соколова? — спросил он наконец. — Обратись к полиции. Она хотя бы сначала проверяет, что произошло.

Он прошёл мимо.

Ника хотела догнать, но Тимур, неизвестно откуда появившийся рядом, негромко сказал:

— Остановись.

— Ты слышал?

— Все слышали.

— Он даже не ответил!

— Ответил. Ты решила, что ответ тебя не устраивает.

Ника повернулась к нему.

— Ты на его стороне?

— Я на стороне того, что было на самом деле. Иногда она очень одинокая.

Зоя подошла, подняла с пола стаканчик и молча пошла к мусорному ведру.

Ника осталась среди людей, которые теперь уже не притворялись, будто не смотрят на неё.

Видео появилось в школьном чате через семь минут.

«Соколова назвала убийцу» — сообщала подпись. Кто-то обрезал запись так, чтобы она начиналась со слов «вы поссорились», а заканчивалась Львовым «ошибаешься». В комментариях появились уверенные объяснения, которых Ника никогда не произносила.

«Все знали».

«Его отец откупится».

«Она была ему должна деньги».

«В зале карт нашли его вещь».

Последнего не знал никто. Ника была почти уверена, что это выдумка, но уже через минуту кто-то объявил её фактом.

Она набрала автору записи: «Удали. Я не называла никого убийцей».

Ответ пришёл сразу: «Так это же просто вопрос :)».

Ника смотрела на смайлик. В нём было что-то особенно мерзкое.

Она пошла искать Зою, но обнаружила её у лестницы вместе с Артемьевой.

Заместитель директора разговаривала тихо, без привычной публичной доброжелательности. Увидев Нику, сразу отпустила Зою.

— Соколова, ко мне на минуту.

В кабинете Артемьевой пахло бумагой и древесными духами. На столе стояла фотография школьной конференции. В первом ряду улыбалась Мира — так открыто, что у Ники сжалось горло.

— Садитесь, — сказала Артемьева.

— Я лучше постою.

— Как пожелаете.

Преподавательница закрыла дверь, но осталась рядом с ней, а не за письменным столом.

— Я видела запись в общем чате.

— Её выложили без моего разрешения.

— Это недопустимо. Я потребую удалить. Но вы действительно говорили с Львом таким образом?

— Да.

— Зачем?

— Я хотела узнать, где он был.

— Узнали?

— Нет.

— Тогда получили лишь новую беду.

Ника отвела взгляд.

— Вы думаете, он невиновен?

Артемьева ответила не сразу.

— Я думаю, что в нашем пансионе слишком многие привыкли ценить блестящую догадку больше тяжёлой проверки. В том числе вы. Сегодня эта привычка может стоить человеку будущего.

— Мире она уже стоила жизни.

Преподавательница вздрогнула. Совсем чуть-чуть, словно задела воспалённое место.

— Да, — сказала она. — И потому мы обязаны быть осторожнее.

На столе зазвонил телефон. Артемьева не посмотрела на экран.

— Вы сообщили следствию о документах, которые вам дала Мира?

Ника насторожилась.

— Откуда вы знаете про документы?

— Мира работала над проектом. Она обращалась ко мне за консультацией. Не удивительно, что передавала что-то одноклассникам.

— Я сказала всё, о чём меня спросили.

— Это хорошо. Если захотите посоветоваться по поводу старого архива, приходите. Но сначала дайте взрослым сделать свою работу.

Ника кивнула.

Ей стало стыдно — и стыд этот соседствовал с непрощённой благодарностью. Артемьева не унизила её. Не пригрозила исключением. Просто заставила увидеть последствия.

Перед уходом Ника посмотрела на фотографию выпускников ещё раз.

— Вы хорошо знали Миру?

— Она была моей ученицей много лет.

— А Варвару Киселёву?

Артемьева не отвела глаз.

— Да. Тоже знала.

— Она тоже участвовала в исследованиях?

— Соколова, если мы начнём в этот день вспоминать всех учеников, которых потеряла школа, разговор не закончится.

Ника не нашлась с ответом.

Уже в коридоре она вдруг подумала: почему Артемьева сказала «всех»? Возможно, речь шла только о людях, которые уехали. Возможно — о Варваре и Мире. Зацепиться за слово было соблазнительно. Но слово само по себе не было уликой.

Она повторила это мысленно дважды.

После обеда мать позвонила снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.